

ОХРАНА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Д.А. Ратников. Интерес в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака в связи с неиспользованием: частные и публичные начала 5

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

Г.Б. Золотов, Б.А. Луганченко. Правовой режим полезной модели в некоторых зарубежных странах 17

О.В. Аксенов, А.О. Климова, С.В. Никифоров. Экономическая дипломатия Монголии в Центральной Азии: оценка реализации инфраструктурных проектов с Казахстаном и Узбекистаном 25

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

М.В. Ниязова, Л.Д. Тарасова. Защита интеллектуальных прав на произведения науки в цифровую эпоху 37

ПАТЕНТНОЕ ПРАВО

Д.В. Мурзин. Зарубежное патентование изобретений с учетом нового международного Договора ВОИС об интеллектуальной собственности, генетических ресурсах и традиционных знаниях, связанных с генетическими ресурсами 51

НАУЧНАЯ ШКОЛА

В.С. Ващенко. Вопросы правовой охраны служебных секретов производства (ноу-хау) с применением DLP-систем 62

А.Н. Демидов. Технические средства защиты авторских прав и пределы законного использования произведений в цифровой среде 71

И.А. Каменнов. Театрально-зрелищное представление как объект авторского права 79

К.О. Латтеган. Дифференциация правового регулирования как способ преодоления неравенства сторон правоотношений в сфере коммерциализации исключительных прав 88

В.С. Штукарев. Сущность архитектуры как элемента программы для ЭВМ 97

РЕЦЕНЗИИ

А.П. Альбов. Рецензия на учебник «Международное право» (авторы: В.М. Шумилов, С.В. Никифоров) 106

Учредители: Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Российское авторское общество. **Редакционный совет:** А. О. Аракелова; С. Ф. Афанасьев; Ю. С. Зубов; Г. П. Ивлиев; С. С. Ипполитов; Х. А. Мамаджанов; В. Ф. Ницевич; А. А. Хачатурян; А. В. Юдин. **Редакционная коллегия:** Т. Т. Алиев; А. П. Альбов; В. Е. Белов; А. Т. Волков; В. С. Воронов; В. В. Груздев; А. В. Ермаков; Д. И. Кокурин; Б. Б. Леонтьев; В. Ю. Панченко; О. В. Ревинский; И. В. Рыжов; В. Р. Смирнова; А. П. Соколов; А. С. Харланов; О. А. Хатунцев; С. В. Чернявский.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-45608.

Адрес редакции: Москва, 117279, ул. Миклухо-Маклая, д. 55а.

Телефон: (499) 743-01-64 доб. 164, <http://journal.rgiis.ru>, e-mail: journal@rgiis.ru

Журнал включен в Перечень ВАК Минобрнауки России по специальностям юридических и экономических наук (5.1.3. Частноправовые (цивилистические) науки и 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика) с 28.11.2022

PROTECTION OF INTELLECTUAL PROPERTY

- D.A. Ratnikov.* Interest in the early termination of the legal protection of a trademark due to non-use: private and public aspects 5

INNOVATIVE DEVELOPMENT

- G.B. Zolotov, B.A. Luganchenko.* Legal regime of a useful model in some foreign countries 17
- O.V. Aksenov, A.O. Klimova, S.V. Nikiforov.* Mongolia's economic diplomacy in Central Asia: an assessment of the implementation of infrastructure projects with Kazakhstan and Uzbekistan 25

COURT PRACTICE

- M.V. Niyazova, L.D. Tarasova.* Protection of intellectual property rights to scientific works in the digital age 37

PATENT LAW

- D.V. Murzin.* Foreign patenting of inventions based on the new WIPO international treaty on intellectual property of genetic resources and traditional knowledge related to genetic resources 51

SCIENTIFIC SCHOOL

- V.S. Vaschenko.* Issues of legal protection of official production secrets (know-how) using DLP systems 62
- A.N. Demidov.* Technological protection measures of copyright and the limits of lawful use of works in the digital environment 71
- I.A. Kamennov.* Theatrical and spectacle performance as an object of copyright law 79
- K.O. Lattegan.* Differentiation of legal regulation as a way to overcome the inequality of the parties to legal relations in the field of commercialization of exclusive rights 88
- V.S. Shtukarev.* The essence of architecture as an element of a computer program 97

REVIEWS

- A.P. Albov.* Review of the textbook «International Law» (authors: V.M. Shumilov, S.V. Nikiforov) 106

Founding group: The Russian State Academy of Intellectual Property, Russian Authors Society.

Editorial Board: A. O. Arakelova; S. F. Afanasiev; Yu. S. Zubov; G. P. Ivliev; S. S. Ippolitov; H. A. Mamadzhonov; V. F. Nitsevich; A. A. Khachatryan; A. V. Yudin.

Editorial Staff: T. T. Aliev; A. P. Albov; V. E. Belov; A. T. Volkov; V. S. Voronov; V. V. Gruzdev; A. V. Ermakov; D. I. Kokurin; B. B. Leontiev; V. Yu. Panchenko; O. V. Revinskiy; I. V. Ryzhov; V. R. Smirnova; A. P. Sokolov; A. S. Kharlanov; O. A. Khatuntsev; S. V. Chernyavsky.

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС77-45608.

Address of editorial office: h.55a, Miklukho-Maklaya st., 117279 Moscow.

Tel.: (499) 743-01-64 доб. 164, <http://journal.rgiis.ru>. e-mail: journal@rgiis.ru

The journal is included in the List of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in the specialties of Legal and Economic Sciences (5.1.3. Private Law (Civilistic) Sciences and 5.2.3. Regional and Sectoral Economics) since 28.11.2022

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Аракелова Александра Олеговна – д.иск., ФГБОУ ВО РГАИС, ректор, главный редактор.

Афанасьев Сергей Федорович – д.ю.н., профессор, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», заведующий кафедрой арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата.

Зубов Юрий Сергеевич – к.пед.н., Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент), руководитель.

Ивлиев Григорий Петрович – к.ю.н., Евразийское патентное ведомство (ЕАПВ) Евразийской патентной организации, президент.

Ипполитов Сергей Сергеевич – д.ист.н., Международный центр компетенций IP (Институт) ФГБОУ ВО РГАИС, заместитель директора.

Мамаджанов Хамид Абиджанович – д.т.н., профессор, ФГБОУ ВО РГАИС, профессор кафедры Управления инновациями и коммерциализации интеллектуальной собственности.

Ницевич Виктор Францевич – д.полит.н., профессор, ФГБОУ ВО РГАИС, советник ректора.

Хачатурян Арутюн Арутюнович – д.э.н., профессор, ФГК ВОУ ВО «Военный университет им. князя Александра Невского», профессор кафедры экономической теории.

Юдин Андрей Владимирович – д.ю.н., профессор, ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», заведующий кафедрой Гражданского процессуального и предпринимательского права

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Алиев Тигран Тигранович – д.ю.н., профессор.

Альбов Алексей Павлович – д.ю.н., профессор.

Белов Валерий Евгеньевич – д.ю.н., доцент.

Волков Андрей Тимофеевич – д.э.н., профессор.

Воронов Виктор Степанович – д.э.н., доцент.

Груздев Владислав Викторович – д.ю.н., доцент.

Ермаков Андрей Вячеславович – к.ю.н., доцент.

Кокурин Дмитрий Иванович – д.э.н., профессор.

Леонтьев Борис Борисович – д.э.н., профессор.

Панченко Владислав Юрьевич – д.ю.н., доцент.

Ревинский Олег Витальевич – к.ю.н., доцент.

Рыжов Игорь Викторович – д.э.н., профессор.

Смирнова Вероника Ремовна – д.э.н., доцент.

Соколов Алексей Павлович – д.э.н., профессор.

Харланов Алексей Сергеевич – д.э.н., доцент.

Хатунцев Олег Александрович – д.ю.н., профессор.

Чернявский Сергей Владимирович – д.э.н., профессор

ОХРАНА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Научная статья

УДК 347.77

Интерес в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака в связи с неиспользованием: частные и публичные начала

Дмитрий Александрович Ратников

Зуйков и партнеры, Москва, Россия

Юрист, аспирант Российской государственной академии
интеллектуальной собственности

dima.ratnikov@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется правовая природа интереса в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования. Автор приходит к выводу, что данный интерес не сводится к индивидуальному интересу частного лица, поскольку его реализация одновременно затрагивает интересы неопределенного круга участников гражданского оборота. На основе анализа доктрины и судебно-конституционных подходов автор обосновывает возможность квалификации рассматриваемого интереса как частноправового интереса с элементами публичного, при

|| котором публичный компонент реализуется через частноправовой механизм и инициативу индивидуального субъекта.

Ключевые слова: досрочное прекращение правовой охраны товарного знака, неиспользование товарного знака, заинтересованное лицо, частный интерес, публичный интерес, частноправовой интерес с элементами публичного, частно-публичный интерес, средства индивидуализации, товарный знак.

Для цитирования: Ратников Д.А. Интерес в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака в связи с неиспользованием: частные и публичные начала // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2026. – № 2. – С. 5–16.

Original article

Interest in the early termination of the legal protection of a trademark due to non-use: private and public aspects

Dmitry A. Ratnikov

Lawyer at Zuykov and Partners LLC, Moscow, Russia

Postgraduate student of Russian State Academy of Intellectual Property
dima.ratnikov@mail.ru

|| **Abstract.** The legal nature of the interest in the early termination of a trademark's legal protection due to non-use is examined. It is concluded that this interest is not limited to the individual interest of an individual, as its realization affects the interests of an indefinite number of participants in civil transactions. Based on an analysis of doctrine and judicial and constitutional approaches, the possibility of classifying this interest as a private law interest with elements of a public law is substantiated, where the public component is realized through a private law mechanism and the initiative of an individual.

Key words: early termination of trademark legal protection; non-use of a trademark; interested person; private interest; public interest; private interest with elements of public interest; public-private interest; means of individualization; trademark.

For citation: Ratnikov D.A. Interest in the early termination of the legal protection of a trademark due to non-use: private and public aspects // Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2026. No. 2. P. 5–16.

Товарный знак представляет собой средство индивидуализации товаров и услуг физических и юридических лиц, основная функция которого – индивидуализировать соответствующие товары и услуги в гражданском обороте.

Зарегистрировав товарный знак, лицо получает монополию на использование конкретного обозначения, в то время как иные лица обязаны воздерживаться от его неправомерного использования в силу абсолютного характера исключительного права.

Вместе с тем сохранение правообладателем исключительного права на товарный знак ставится в зависимость от фактического использования такого обозначения при введении товаров в гражданский оборот. Если правообладатель не использует товарный знак, тот перестает выполнять индивидуализирующую функцию и становится лишь барьером для регистрации и свободного использования тождественного или сходных обозначений иными лицами.

Для преодоления указанного барьера ст. 1486 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) предусмотрен механизм, позволяющий заинтересованному лицу досрочно прекратить правовую охрану товарного знака в отношении всех или части товаров и услуг, для которых он зарегистрирован, если товарный знак не используется непрерывно в течение трех лет.

В Российской Федерации дела о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака в связи с неиспользованием рассматриваются Судом по интеллектуальным правам в рамках искового производства. При этом ст. 1486 ГК РФ предусмотрена необходимость соблюдения истцом обязательного досудебного порядка, который заключается в предварительном направлении заинтересованным лицом правообладателю предложения обратиться в Роспатент с заявлением об отказе от исключительного права на товарный знак либо заключить с заинтересованным лицом договор отчуждения исключительного права на товарный знак в отношении всех или части товаров и услуг (далее – предложение заинтересованного лица).

В случае неурегулирования спора в досудебном порядке заинтересованное лицо вправе обратиться в суд с исковым заявлением о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака в связи с неиспользованием, где ему необходимо будет доказать свою субъективную заинтересованность в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака, в то время как правообладатель должен будет доказать использование товарного знака в течение трех лет, предшествующих дате направления предложения заинтересованного лица в отношении товаров и услуг, для которых зарегистрирован товарный знак.

Если истец не докажет наличие у него заинтересованности, правовая охрана товарного знака будет оставлена в силе, поскольку отсутствие

у истца заинтересованности является самостоятельным основанием для отказа в исковых требованиях¹.

Если заинтересованность истцом будет доказана, но правообладатель не сможет представить доказательства, свидетельствующие о реальном использовании им товарного знака в течение предусмотренного законом периода в отношении товаров и услуг, для которых истцом доказана заинтересованность, суд удовлетворит требования заинтересованного лица и досрочно прекратит правовую охрану товарного знака в отношении указанных товаров и услуг.

Необходимо отметить, что институт досрочного прекращения правовой охраны товарного знака в связи с его неиспользованием представляет собой не только особый механизм ограничения исключительного права, но и форму правовой охраны определенного интереса, признанного и обеспеченного законом. Возможность заинтересованного лица обратиться с требованием о прекращении правовой охраны товарного знака свидетельствует о том, что соответствующий интерес в освобождении обозначения от правовой монополии при отсутствии его реального использования обладает юридической значимостью и подлежит правовой охране.

Указанный интерес по своей природе не сводится исключительно к частному интересу конкретного лица, инициирующего процедуру досрочного прекращения правовой охраны. Его реализация одновременно затрагивает интересы неопределенного круга участников гражданского оборота, связанные со свободой выбора обозначений, развитием конкуренции и недопущением необоснованного блокирования хозяйственной деятельности. В связи с этим возникает необходимость исследования данного интереса с точки зрения наличия в нем частных и публичных начал.

Вместе с тем для целей данного исследования необходимо более подробно рассмотреть вопрос о соотношении публичных и частных интересов.

К.Ю. Тотьев считает, что публичный интерес – это «жизненно необходимое состояние больших социальных групп (включая общество в целом), обязанность по реализации которого лежит на государстве» [1].

Публичный интерес, согласно позиции Ю.А. Тихомирова, «это признанный государством и обеспеченный правом интерес социальной общности, удовлетворение которого служит гарантией ее существования и развития» [2, с. 55]. В то же время, разграничивая частный и публичный интерес и давая определение понятию частного интереса, Ю.А. Тихомиров говорит, что «частный интерес – это охраняемый правом интерес, присущий гражданам и юридическим лицам, тогда как публичный

¹ Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 18.11.2025 по делу № СИП-1254/2023. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).

интерес – это признанный государством и обеспеченный правом общественный интерес» [3]. При этом сами публичные интересы могут быть классифицированы в зависимости от носителя публичного интереса.

Так, Ю.А. Тихомиров выделяет три формы публичного интереса: 1) интересы общества, 2) интересы государства и 3) национальные интересы [2, с. 64–67].

Е.Ю. Добрынин выделяет государственные интересы, общественные интересы, национальные интересы и интересы социальных групп [4].

По мнению автора настоящей статьи, достаточно удачную классификацию публичных интересов предложила Т.С. Яценко, которая выделила следующие уровни публичного интереса: *государственные интересы; общественные интересы; имеющие социальное значение интересы группы лиц (дольщики, вкладчики, потребители); интересы отдельных субъектов, приобретающих при определенных условиях особый социальный статус (например, публично-правовых компаний, акционерных обществ) [5].*

Вместе с тем представляется, что отдельное выделение уровня интереса групп лиц является избыточным, поскольку такие интересы могут рассматриваться как интересы общественные.

Такого же мнения придерживается, например, Д.А. Туманов, который указывает, что *«общественные интересы разнообразны, их носителями могут быть различные социальные общности» [6].*

Как отмечает О.Ю. Ильина, *«частный интерес не может быть реализован вне публичного правопорядка, а публичный интерес утрачивает смысл, если он прямо или косвенно не направлен на обеспечение реализации частного, т.е. должен быть паритет интересов» [7].*

Следовательно, регулирование частных интересов имеет публичное измерение: государство выстраивает правовые рамки, призванные обеспечить реализацию интересов, признанных общественно значимыми.

Как известно, в целом право интеллектуальной собственности стремится к балансу частных и публичных интересов. Так, согласно положениям ст. 1229 ГК РФ, само по себе исключительное право представляет собой легальную монополию на использование конкретного объекта интеллектуальных прав любым не запрещенным законом способом. При этом, помимо частного интереса в неограниченном использовании результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, в противовес ему также существует публичный интерес в свободном использовании таких объектов обществом.

Это же актуально и для товарных знаков, которые по каким-либо причинам не используются правообладателем.

Необходимость в балансе частных и публичных интересов при регулировании отношений, связанных с вопросами интеллектуальных прав, находит свое отражение в Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (далее – ТРИПС).

В частности, это вытекает из ст. 7 ТРИПС, согласно которой «охрана и реализация прав интеллектуальной собственности должны содействовать техническому прогрессу и передаче и распространению технологии к взаимной выгоде производителей и пользователей технологических знаний, способствуя социально-экономическому благосостоянию, и к достижению баланса прав и обязательств», а также из п. 1 ст. 8 ТРИПС, в соответствии с которым «при формировании или совершенствовании своих национальных законов и правил члены могут принимать меры, необходимые для охраны общественного здоровья и питания и содействия общественным интересам в жизненно важных для их социально-экономического и технического развития секторах, при условии, что такие меры соответствуют положениям настоящего Соглашения»².

О необходимости баланса публичных и частных интересов высказывались также и многие ученые. Так, например, согласно позиции Е.А. Павловой [8], обеспечение равновесия публичных и частных интересов является одним из способов конституционно-правовой защиты интеллектуальных прав. По мнению Е.В. Вавилина, баланс частных и публичных интересов «предполагает создание такой конфигурации прав и обязанностей субъектов правоотношений, при которой максимально обеспечены целостность и сохранность прав отдельной личности, не ущемляющих интересы общества» [9].

Говоря об институте досрочного прекращения правовой охраны товарного знака в связи с неиспользованием, необходимо отметить, что он сам по себе служит инструментом, обеспечивающим баланс частного и публичного. С одной стороны, он представляет собой форму охраны интереса в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака, а с другой стороны, он одновременно направлен на ограничение частного интереса правообладателя товарного знака в обладании исключительным правом на товарный знак при его фактическом неиспользовании в гражданском обороте. Конфликт интересов правообладателя и заинтересованного лица является ядром института досрочного прекращения правовой охраны товарного знака.

При этом, перед тем как подробно давать теоретическо-правовую оценку интересу в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака, необходимо поговорить о таком феномене, как частноправовой интерес с элементами публичного, или, как его еще называют в научной литературе, – частно-публичный интерес.

Нельзя отрицать тот факт, что некоторые интересы могут сочетать в себе как частный, так и публичный аспекты, существуя таким образом как частноправовые интересы с элементами публичного.

² Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) (ВТО, Уругвайский раунд многосторонних торговых переговоров) (Марракеш, 15 апреля 1994 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

А.М. Асадов, называя такой интерес частно-публичным, говорит, что он представляет собой «охрану или реализацию публичного интереса через охрану или реализацию интереса конкретного лица, при условии их совпадения» [10]. В.А. Горбунов отмечает, что «частно-публичный законный интерес – это такой интерес, когда защита (реализация) публичного интереса осуществляется через защиту (реализацию) частного интереса или частный и публичный интересы совпадают» [11]. Следует согласиться с позицией Т.С. Яценко о возможности объективизации публичного интереса в частном интересе отдельного субъекта [12].

Возможность объективизации публичного интереса в частном интересе находит свое отражение также в работах других ученых, таких как Е.А. Воробьева [13], В.С. Ем [14], О.М. Родионова [15].

Как отмечал Г.А. Гаджиев, «в случае объективизации в частном интересе публичного объектом охраны гражданского права выступает сложно-составной частно-публичный интерес» [16].

Кроме того, такая позиция нашла отражение в Определении Конституционного Суда РФ, в соответствии с которым, когда предметом защиты является частноправовой интерес с элементами публичного, публичный интерес может объективироваться посредством частного³.

Представляется, что, говоря об интересе в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака в связи с неиспользованием, необходимо отметить несколько признаков, которые характеризуют его как публичный интерес.

Во-первых, само по себе наличие института досрочного прекращения правовой охраны товарного знака в связи с неиспользованием говорит о том, что государство заинтересовано в непосредственном использовании товарных знаков правообладателями.

Во-вторых, при неиспользовании товарных знаков затрагиваются общественные интересы, а именно – имеющие социальное значение интересы группы лиц – физических и юридических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, связанных со свободным выбором обозначения для маркирования своих товаров и (или) услуг при ведении коммерческой деятельности. При наличии товарного знака, лишь формально зарезервированного за конкретным правообладателем, у участников гражданского оборота при ведении бизнеса ограничивается выбор обозначений, которые они могут использовать в своей коммерческой деятельности.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2007 №681-О-П «По жалобам граждан Ю.Ю. Колодкина и Ю.Н. Шадеева на нарушение их конституционных прав положениями ст. 84.8 Федерального закона «Об акционерных обществах» во взаимосвязи с частью 5 ст. 7 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-03072007-n-681-o-p-po/> (дата обращения: 07.04.2026).

В-третьих, общественный интерес также выражается в использовании обозначений при ведении предпринимательской деятельности без риска предъявления исков о нарушении исключительного права на товарный знак, который фактически правообладателем не используется.

Здесь необходимо отметить как минимум два показательных случая: первый – регистрация на себя товарных знаков так называемыми «патентными троллями» и последующее предъявление ими исков лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность, с целью запрета использования обозначений; второй – предъявления исков со стороны иностранных правообладателей, которые по своей инициативе не используют товарные знаки в Российской Федерации, но тем не менее предъявляют иски о защите исключительных прав – тем более в случае, если речь идет о запрете исключительного права в связи с параллельным импортом.

Наличие публичного аспекта в интересе о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака можно вывести также из трудов ученых, в своих работах затрагивающих исследуемую проблематику.

Так, М.В. Опря отмечает, что *«обязанность использования товарных знаков, а также интерес других участников оборота требуют очищения реестра от невостребованных товарных знаков, охрана которых блокирует использование сходных до степени смешения товарных знаков в отношении одного класса товаров»* [17].

О публичном характере исследуемого интереса также высказывался Конституционный Суд РФ в своем Определении от 02.10.2003 №393-О, в соответствии с которым *«законодатель, установив возможность досрочного прекращения регистрации товарного знака в связи с его неиспользованием в течение определенного срока, рассматривает ее как антимонопольный инструмент, лишая правообладателя легальной монополии (исключительного права) в отношении зарегистрированного им в установленном порядке обозначения»*⁴.

По мнению Л.А. Новоселовой, *«существует объективная потребность, публичный интерес, в выбывании из реестра товарных знаков неиспользуемых обозначений с тем, чтобы они могли бы снова регистрироваться новыми правообладателями, более заинтересованными в их использовании, что соответствует целям здоровой конкуренции»* [18].

О возможности затрагивания публичных интересов также упоминали В.А. Химичев, М.А. Рожкова в рамках заседания рабочей группы

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 02.10.2003 №393-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью "Продюсерская фирма "Самый вкус" на нарушение конституционных прав и свобод положением пункта 3 статьи 22 Закона Российской Федерации "О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров"». URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-02102003-n-393-o-ob/> (дата обращения: 07.04.2026).

Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 14.11.2014⁵.

Таким образом, можно говорить о том, что институт досрочного прекращения правовой охраны товарного знака в связи с неиспользованием направлен в том числе на реализацию публичного интереса, выраженного у группы лиц – физических и юридических лиц, осуществляющих коммерческую деятельность.

При этом, соглашаясь с позицией Т.С. Яценко относительно того, что публичными необходимо признавать только такие интересы группы лиц, нарушение которых может повлечь за собой негативные социальные последствия [12, с. 24], необходимо отметить, что негативные социальные последствия для обозначенной группы лиц выражены в невозможности использовать и регистрировать обозначения, тождественные или сходные до степени смешения с неиспользуемыми товарными знаками, а также потенциальные имущественные потери, понесенные в рамках защиты исключительного права на неиспользуемый знак.

Вместе с тем говорить, что интерес в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака является исключительно публичным, не представляется возможным. Прежде всего необходимо понимать, что, несмотря на то, что досрочное прекращение правовой охраны товарного знака затрагивает публичные интересы, тем не менее оно является частноправовым институтом гражданского права. В рамках реализации интереса в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака в связи с неиспользованием прежде всего реализуется частный интерес заинтересованного лица, который обуславливается наличием конкретных индивидуально определенных фактических обстоятельств: открытие новой линейки товаров, выход на новые рынки и т.д. Таким образом, интерес заинтересованного лица в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака одновременно представляет собой как частный интерес конкретного лица, так и публичный интерес общества. В связи с этим можно говорить о том, что интерес в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака в связи с неиспользованием представляет собой частноправовой интерес с элементами публичного.

Анализ содержания интереса в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака в связи с неиспользованием показывает, что он не может быть отнесен исключительно к частным интересам конкретного заинтересованного лица, поскольку его реализация одновременно затрагивает общественные и государственные интересы, связанные

⁵Протокол №6 заседания рабочей группы Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам 14 ноября 2014 г. // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2014. №6. С. 5.

с освобождением реестра от неиспользуемых товарных знаков, свободой использования обозначений в гражданском обороте, обеспечением добросовестной конкуренции. Вместе с тем указанный интерес реализуется посредством частноправового механизма и по инициативе конкретного субъекта.

Таким образом, интерес в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака в связи с его неиспользованием следует квалифицировать как охраняемый законом частноправовой интерес с элементами публичного, в котором публичный компонент объективируется через частный интерес заинтересованного лица, что обуславливает необходимость в применении широкого подхода при установлении заинтересованности лица, обращающегося с иском о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака в связи с неиспользованием.

Список источников

1. Тотьев К.Ю. Публичный интерес в правовой доктрине и законодательстве / К.Ю. Тотьев // Государство и право. – 2002. – №9. – С. 25.
2. Тихомиров Ю.А. Публичное право: учебник для вузов / Ю.А. Тихомиров. – Москва: Бек, 1995. – 486 с.
3. Тихомиров Ю.А. Публичное право: падения и взлеты / Ю.А. Тихомиров // Государство и право. – 1996. – №1. – С. 6.
4. Добрынин Е.Ю. Категория интереса как источника формирования социальной функции государства / Е.Ю. Добрынин // Вестник ЮУрГУ. Сер. Право. – 2008. – №8(108). – С. 18.
5. Яценко Т.С. Гражданско-правовая охрана публичных интересов: дис. ... д-ра юрид. наук / Т.С. Яценко. – Москва, 2016. – С. 106–107.
6. Туманов Д.А. Защита общественных интересов в гражданском судопроизводстве: монография / Д.А. Туманов. – Москва: Городец, 2024. – С. 4.
7. Ильина О.Ю. Частные и публичные интересы в семейном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / О.Ю. Ильина. – Москва, 2006. – С. 43.
8. Павлова Е.А. Конституционно-правовая охрана и защита имущественных прав и интересов предпринимателя. Анализ основных понятий / Е.А. Павлова // Вестник Московского ун-та МВД России. – 2013. – №3. – С. 66.
9. Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав / Институт государства и права Российской академии наук; Е.В. Вавилин. – Москва: ВолтерсКлувер, 2009. – С. 72.
10. Асадов А.М. Косвенные (опосредованные) административно-правовые отношения в сфере экономики и финансов: дис. ... канд. юрид. наук / А.М. Асадов. – Челябинск, 2014. – С. 112.
11. Горбунов В.А. Категория законного интереса (личности, общества, государства) в конституционном законодательстве Российской Федерации: автореф. дис. ...канд. юрид. наук / В.А. Горбунов. – Тюмень, 2007. – С. 20.

12. Яценко Т.С. Особенности гражданско-правовой охраны публичных интересов в сфере интеллектуальной деятельности / Т.С. Яценко // Право интеллектуальной собственности. – 2015. – №4(42). – С. 22–25.
13. Воробьева Е.А. Правовое регулирование сделок, требующих согласия, по гражданскому законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / Е.А. Воробьева. – Москва, 2016. – С. 106–107.
14. Ем В.С. Ничтожность сделок по действующему гражданскому законодательству / В.С. Ем // Вестник гражданского права. – 2018. – №4. – С. 12–45.
15. Родионова О.М. Публичные и частные интересы в меняющемся гражданском праве России: единство в многообразии / О.М. Родионова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2023. – №5(105). – С. 105.
16. Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда РФ о гарантиях права частной собственности при принудительном отчуждении имущества для государственных нужд / Г.А. Гаджиев // Законодательство. – 2008. – №1. – С. 49.
17. Опря М.В. О наследовании исключительных прав на средства индивидуализации / М.В. Опря // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2024. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nasledovanii-isklyuchitelnyh-prav-na-sredstva-individualizatsii> (дата обращения: 17.12.2025).
18. Новоселова Л.А. Право интеллектуальной собственности. Т. 3. Средства индивидуализации: учебник / под общ. ред. д.ю.н., проф. Л.А. Новоселовой. – Москва: Статут, 2018. – С. 193.

References

1. Totyev K.Yu. Public Interest in Legal Doctrine and Legislation. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*. 2002. No. 9. P. 486 (In Russ.).
2. Tikhomirov Yu.A. Public Law: Textbook for Law Faculties and Higher Educational Institutions. Moscow: *Bek Publ.*, 1995. P. 55 (In Russ.).
3. Tikhomirov, Yu. A. Public Law: Falls and Rises. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*. 1996. No. 1. P. 6 (In Russ.).
4. Dobrynin E. Yu. The Category of Interest as a Source of the Formation of the Social Function of the State. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Pravo = Bulletin of South Ural State University. Series: Law*. 2008. No. 8 (108). P. 18 (date of access: 15.12.2025) (In Russ.).
5. Yatsenko T.S. *Civil Law Protection of Public Interests*: Doctor of Sciences (Law) dissertation. Moscow, 2016. P. 106–107 (In Russ.).
6. Tumanov D.A. *Zashchita obshchestvennykh interesov v grazhdanskom sudoproizvodstve = Protection of Public Interests in Civil Proceedings*: monograph. Moscow: *Gorodets Publishing House*, 2024. P. 4 (In Russ.).
7. Ilyina O.Yu. Private and Public Interests in Family Law of the Russian Federation: abstract of Doctor of Sciences (Law) dissertation. Moscow, 2006. P. 43 (In Russ.).

8. Pavlova E.A. Constitutional-Law Safeguarding and Protection of the Property Rights and Interests of an Entrepreneur: Analysis of Basic Concepts. *Vestnik Moskovskogo un-ta MVD Rossii = Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2013. No. 3. P. 66 (In Russ.).

9. Vavilin E.V. *Osushchestvenenie i zashchita grazhdanskikh prav. Institut gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk = Exercise and Protection of Civil Rights. Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. Moscow: Wolters Kluwer Publ., 2009. P. 72 (In Russ.).

10. Asadov A.M. *Indirect (Mediated) Administrative-Legal Relations in the Sphere of Economy and Finance*: Candidate of Sciences (Law) dissertation. Chelyabinsk, 2014. P. 112 (In Russ.).

11. Gorbunov V.A. The Category of Legitimate Interest (of the Individual, Society, and the State) in the Constitutional Legislation of the Russian Federation: abstract of Candidate of Sciences (Law) dissertation / [place of defense: Tyumen State University], 2007. P. 20 (In Russ.).

12. Yatsenko T.S. Specific Features of Civil-Law Protection of Public Interests in the Sphere of Intellectual Activity. *Pravo intellektual'noy sobstvennosti = Intellectual Property Law*. 2015. No. 4 (42). P. 22–25 (In Russ.).

13. Vorobyeva E.A. Legal Regulation of Transactions Requiring Consent under the Civil Legislation of the Russian Federation: Candidate of Sciences (Law) dissertation. Moscow, 2016. P. 106–107 (In Russ.).

14. Em V.S. Voidness of Transactions under Current Civil Legislation. *Vestnik grazhdanskogo prava = Civil Law Review*. 2018. No. 4. P. 12–45 (In Russ.).

15. Rodionova O.M. Public and Private Interests in the Changing Civil Law of Russia: Unity in Diversity. resource. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina = Bulletin of Kutafin University*. 2023. No. 5 (105). P. 105 (date of access: 14.12.2025) (In Russ.).

16. Gadzhiev G.A. Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on Guarantees of the Right to Private Property in Cases of Compulsory Expropriation of Property for State Needs. *Zakonodatel'stvo = Legislation*. 2008. No. 1. P. 49 (In Russ.).

17. Oprya M.V. On the Inheritance of Exclusive Rights to Means of Individualization. *Elektronnoe prilozhenie k Rossiyskomu juridicheskomu zhurnalu = Electronic Supplement to the Russian Law Journal*. 2024. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nasledovanii-isklyuchitelnyh-prav-na-sredstva-individualizatsii> (date of access: 17.12.2025) (In Russ.).

18. Novoselova L.A. Intellectual Property Law. Vol. 3. Means of Individualization: Textbook / under the general editorship of Doctor of Law, Professor L.A. Novoselova. Moscow: Statut Publ., 2018. P. 193 (In Russ.).

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

Научная статья

УДК 347.77

Правовой режим полезной модели в некоторых зарубежных странах

Геннадий Борисович Золотов¹,

Богдана Александровна Луганченко²

^{1,2} Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Москва, Россия

¹ Аспирант, преподаватель кафедры Управления инновациями и коммерциализации интеллектуальной собственности

zolotov1753@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3560-5467>

² Специалист Международного экспертного центра «Атлас IP»

bogdana.luganchenko@yandex.ru

Аннотация. Проведенное исследование, в рамках которого авторы изучают правовой режим полезной модели в государствах – участниках Евразийской патентной конвенции, иллюстрирует важность и необходимость данного института, позволяющего эффективно охранять результаты интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере.

Несмотря на то, что полезная модель является объектом, прямо поименованным в международном соглашении – Конвенции по охра-

не промышленной собственности (1883), не все зарубежные страны применяют данный режим охраны технических решений, в том числе и на евразийском пространстве. В связи с этим основополагающей целью авторов является исследование причин отсутствия данного института в национальном законодательстве, а также поиск возможных интеграционных решений, которые позволили бы авторам, изобретателям и новаторам государств – членов Евразийской патентной конвенции получить охрану на данный результат интеллектуальной деятельности.

Ключевые слова: государства – участники ЕАПК, объекты промышленной собственности, полезная модель, правовая охрана, правовой режим, результаты интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, система интеллектуальной собственности.

Финансирование: Статья выполнена в рамках НИР «Институт полезной модели в зарубежных странах: оценка эффективности и распространение лучших практик» (7-ГЗ-2024-2).

Для цитирования: Золотов Г.Б., Луганченко Б.А. Правовой режим полезной модели в некоторых зарубежных странах // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2026. – № 2. – С. 17–24.

Original article

Legal regime of a useful model in some foreign countries

Gennadiy B. Zolotov¹, Bogdana A. Luganchenko²

^{1,2} Russian State Academy of Intellectual Property
Moscow, Russia

¹ Postgraduate student, lecturer of Innovation Management and Intellectual Property Commercialization Department, Russian State Academy of Intellectual Property
zolotov1753@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3560-5467>

² Specialist of the International Expert Center Atlas IP, Russian State Academy of Intellectual Property
bogdana.luganchenko@yandex.ru

Abstract. The conducted research, in which the authors examine the legal regime of the utility model in the member states of the

Eurasian Patent Convention, illustrates the importance and necessity of this institution, which allows effective protection of the results of intellectual activity in the scientific and technical field.

Despite the fact that the utility model is an object explicitly named in an international agreement – the Convention for the Protection of Industrial Property (1883), not all foreign countries apply this protection regime for technical solutions, including in the Eurasian space. In this regard, the fundamental goal of the authors is to investigate the reasons for the absence of this institution in national legislation, as well as to search for possible integration solutions that would allow authors, inventors and innovators of the member states of the Eurasian Patent Convention to obtain protection for this result of intellectual activity.

Key words: member states of the EAPC, objects of industrial property, utility model, legal protection, legal regime, results of intellectual activity in the scientific and technical field, intellectual property system.

Funding: The article was carried out within the framework of the research project «Institute of utility models in foreign countries: efficiency assessment and dissemination of best practices» (7-GZ-2024-2).

For citation: Zolotov G.B., Luganchenko B.A. Legal regime of a useful model in some foreign countries // Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2026. No. 2. P. 17–24.

В условиях развития инновационной деятельности сфера интеллектуальной собственности (далее – ИС) становится важным институтом для социально-экономического развития любого государства. Правовая охрана, использование и коммерциализация прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации стимулируют научно-исследовательскую деятельность, внедрение инноваций, за счет чего формируются конкурентные преимущества [1].

Основной целью авторов является исследование состояния правовой охраны полезных моделей в государствах – участниках Евразийской патентной конвенции (далее – ЕАПК), что, в свою очередь, позволит выявить ключевые социально-экономические тенденции.

С этой целью авторы обратились к статистическим данным за 2020–2024 гг. о заявительской активности в отношении товарных знаков, изобретений, промышленных образцов и полезных моделей, для которых в законодательстве применяется данный правовой режим. Выбор именно этих объектов обусловлен рядом обстоятельств [2]:

- практическая значимость (научно-технические достижения, инновации, предпринимательство) и экономический потенциал;
- структурированность механизмов охраны и систематизация информации о данных объектах ИС;
- приоритизация со стороны мирового сообщества, в том числе Всемирной организации интеллектуальной собственности (далее – ВОИС), наличие различных исследований и продвижение указанных объектов ИС.

Отметим, что патент можно рассматривать как договор между изобретателем и обществом [3], ведь именно ограниченный срок охраны в конечном счете позволит распространить новые технологии и инновационные решения, делая жизнь населения лучше и комфортнее. В свою очередь, развитый институт товарных знаков отражает реальное состояние экономики, открытость и доступность системы предпринимательства в стране.

В таблице представлены статистические данные, полученные из годовых отчетов национальных патентных ведомств и годовых отчетов ВОИС за период 2020–2024 гг., о количестве поданных заявок на объекты патентного права и товарные знаки в государствах – участниках ЕАПК.

Таблица

**Количество поданных заявок
в государствах – участниках ЕАПК за 2020–2024 гг.¹**

Поданные заявки в отношении объектов ИС, ед.	Годы				
	2020	2021	2022	2023	2024
	<i>Азербайджанская Республика</i>				
Изобретения	108	135	213	201	204
Полезные модели	40	32	27	67	69
Промышленные образцы	94	26	31	34	37
Товарные знаки	2 288	3 260	4 457	3 862	3 880
Количество классов МКТУ, указанных в заявках на товарные знаки	12 312	14 714	15 938	7 897	7 514

¹ Прим.: данные о количестве поданных заявок получены из годовых отчетов национальных патентных ведомств Азербайджанской Республики, Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан. Данные о количестве поданных заявок по Туркменистану и о количестве классов МКТУ, указанных в заявках на товарные знаки, получены из годовых отчетов ВОИС. Прочерк в ячейке означает отсутствие данных.

Поданные заявки в отношении объектов ИС, ед.	Годы				
	2020	2021	2022	2023	2024
	<i>Республика Армения</i>				
Изобретения	99	109	118	112	96
Объекты промышленного дизайна	33	37	46	37	26
Товарные знаки	5 128	5 652	5 916	6 225	6 617
Количество классов МКТУ, указанных в заявках на товарные знаки	11 141	11 878	13 358	6 766	8 463
	<i>Республика Беларусь</i>				
Изобретения	394	386	342	359	303
Полезные модели	308	339	312	271	294
Промышленные образцы	190	244	174	130	138
Товарные знаки	8 544	7 850	6 696	6 953	7 383
Количество классов МКТУ, указанных в заявках на товарные знаки	19 335	19 553	16 618	7 743	9 300
	<i>Республика Казахстан</i>				
Изобретения	900	805	838	917	1 121
Полезные модели	1 109	1 114	1 094	1 216	1 613
Промышленные образцы	221	211	152	236	247
Товарные знаки	11 533	12 222	11 742	16 964	19 762
Количество классов МКТУ, указанных в заявках на товарные знаки	25 784	29 090	30 437	26 846	35 984
	<i>Кыргызская Республика</i>				
Изобретения	64	87	71	75	74
Полезные модели	24	17	7	18	29
Промышленные образцы	9	8	9	2	3
Товарные знаки	278	315	420	586	953
Количество классов МКТУ, указанных в заявках на товарные знаки	7 298	8 125	8 203	1 373	2 206

Правовой режим полезной модели в некоторых зарубежных странах

Поданные заявки в отношении объектов ИС, ед.	Годы				
	2020	2021	2022	2023	2024
<i>Российская Федерация</i>					
Изобретения	34 984	30 977	26 924	26 692	26 698
Полезные модели	9 195	9 079	8 521	9 742	13 637
Промышленные образцы	7 740	7 726	6 898	7 793	8 685
Товарные знаки	93 926	107 030	112 041	143 192	158 637
Количество классов МКТУ, указанных в заявках на товарные знаки	398 240	395 726	421 140	543 692	559 436
<i>Республика Таджикистан</i>					
Изобретения	9	9	0	1	0
Малые изобретения	114	121	156	145	119
Промышленные образцы	0	0	0	1	0
Товарные знаки	621	593	611	767	928
Количество классов МКТУ, указанных в заявках на товарные знаки	5 765	–	–	172	926
<i>Туркменистан</i>					
Изобретения	–	–	62	–	–
Ограниченный патент (изобретение)	–	–	–	1	–
Промышленные образцы	–	–	–	1	–
Количество классов МКТУ, указанных в заявках на товарные знаки	–	–	4 971	90	252

Системный анализ показателей количества поданных заявок в отношении изобретений, полезных моделей, промышленных образцов и товарных знаков позволил сделать следующие обобщенные выводы:

- наблюдается устойчивый интерес к регистрации товарных знаков, что делает данный объект интеллектуальных прав наиболее популярным и приоритетным в большинстве государств – участников ЕАПК;
- обратная ситуация сложилась с промышленными образцами, где показатели активности заявителей преимущественно снижаются;

– не все государства – участники ЕАПК применяют в своей системе правовой охраны интеллектуальной собственности правовой режим полезной модели.

Отсутствие в отдельных государствах – в Республике Армения, Республике Таджикистан, Туркменистане – института полезной модели препятствует эффективному выходу заявителей из данных стран на международный уровень, что связано с различиями в требованиях, предъявляемых национальными патентными ведомствами [4]. Аналогично заявители из других стран, имеющие на руках патент на полезную модель, могут столкнуться с рядом трудностей в получении правовой охраны в указанных странах.

Выявленные неэффективные механизмы правового обеспечения системы интеллектуальной собственности приводят к таким последствиям, как:

- потеря мотивации к научно-технологической и инновационной деятельности, замедление развития науки и образования;
- увеличение оборота на рынке контрафактной продукции, массовые нарушения патентных прав;
- нарушение баланса в конкуренции, спад предпринимательской активности, снижение доходов государства в виде налогов, снижение уровня защищенности потребителей;
- угрозы технологической и экономической безопасности, в частности утечка критически важной информации, технологий.

Подводя итог сказанному, видится целесообразным внедрение правового режима полезной модели в каждом государстве – участнике ЕАПК. Также альтернативным предложением является создание нового института – евразийского патента на полезную модель [5]. Институт станет дополнительным инструментом для получения охраны на евразийском пространстве в дополнение к существующим в настоящий момент евразийскому изобретению и евразийскому промышленному образцу.

Отсутствие каких-либо мероприятий по развитию системы интеллектуальной собственности может отразиться на международных позициях государств – участников ЕАПК.

Список источников

1. Рыжов И.В. Направления обеспечения мероприятий по импортозамещению в интересах инновационного развития национальной экономики / И.В. Рыжов, В.Р. Смирнова // Экономика и предпринимательство. – 2025. – №4(177). – С. 441–447.
2. Аракелова А.О. Создание евразийской цифровой IP-системы / А.О. Аракелова, Г.Б. Золотов // IP: теория и практика. – 2023. – №3. – С. 42–55.

3. Гвоздев Д.В. Евразийский патент на полезную модель как фактор дальнейшего развития Евразийской интеграции / Д.В. Гвоздев // Актуальные проблемы науки и практики. – 2023. – №2(31). – С. 37–42.

4. Мазаник А. Евразийский патент на полезную модель: перспективы внедрения и заинтересованные стороны / А. Мазаник // Интеллектуальная собственность в Беларуси. – 2023. – №2(99). – С. 34–40.

5. Залесов А.В. Патент на изобретение как нормативный факт / А.В. Залесов // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2022. – №2(36). – С. 64–70.

References

1. Ryzhov I.V., Smirnova V.R. Directions of ensuring import substitution measures in the interests of innovative development of the national economy. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and entrepreneurship*. 2025. No. 4(177). P. 441–447 (In Russ.).

2. Arakelova A.O., Zolotov G.B. Creation of the Eurasian digital IP system. *IP: teoriya i praktika = IP: theory and practice*. 2023. No. 3. P. 42–55 (In Russ.).

3. Gvozdev D.V. The Eurasian patent for a utility model as a factor in the further development of Eurasian integration. *Aktual'nye problemy nauki i praktiki = Actual problems of science and practice*. 2023. No. 2(31). P. 37–42 (In Russ.).

4. Mazanik A. The Eurasian patent for a utility model: prospects for implementation and stakeholders. *Intellektual'naya sobstvennost' v Belarusi = Intellectual property in Belarus*. 2023. No. 2(99). P. 34–40 (In Russ.).

5. Zalesov A.V. Patent for an invention as a normative fact. *Zhurnal Suda po intellektual'nyim pravam = Journal of the Intellectual Property Rights Court*. 2022. No. 2(36). P. 64–70 (In Russ.).

Статья поступила 06.05.2026, принята к публикации 01.06.2026

© Золотов Г.Б., Луганченко Б.А., 2026

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

Научная статья

УДК 332.1

Экономическая дипломатия Монголии в Центральной Азии: оценка реализации инфраструктурных проектов с Казахстаном и Узбекистаном

**Олег Владимирович Аксенов¹,
Ангелина Олеговна Климова²,
Святослав Вадимович Никифоров³**

^{1,2,3} Институт Китая и современной Азии Российской академии наук
(ИКСА РАН), Москва, Россия

¹ Младший научный сотрудник Сектора монгольских исследований
aksenov@iccaras.ru

<https://orcid.org/0009-0007-4396-2081>

SPIN: 6603-3799, AuthorID: 1304179

² Младший научный сотрудник Сектора монгольских исследований
klimova@iccaras.ru

<https://orcid.org/0009-0007-3132-6141>

SPIN: 8653-6123, AuthorID: 1301124

³ Старший научный сотрудник Сектора монгольских исследований
Кандидат педагогических наук, кандидат юридических наук
nikiforov@iccaras.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3842-4848>

SPIN: 2443-1245, AuthorID: 954985

Аннотация. В статье анализируются особенности сотрудничества Монголии с Казахстаном и Узбекистаном в 2023–2025 гг., рассматриваются институциональные механизмы взаимодействия, инфраструктурные и транспортно-логистические проекты, а также их влияние на развитие торгово-экономических отношений. Делается вывод, что в сотрудничестве с Казахстаном преобладает декларативно-институциональной модель, с Узбекистаном – прагматично-проектная, что отражает различную степень эффективности экономической дипломатии Монголии на центральноазиатском направлении.

Ключевые слова: сотрудничество Монголии с государствами Центральной Азии, Казахстан, Узбекистан, экономическая дипломатия, инфраструктурные проекты, транспортные коридоры, евразийская интеграция, инновационное развитие.

Для цитирования: Аксенов О.В., Климова А.О., Никифоров С.В. Экономическая дипломатия Монголии в Центральной Азии: оценка реализации инфраструктурных проектов с Казахстаном и Узбекистаном // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2026. – № 2. – С. 25–36.

Original article

Mongolia's economic diplomacy in Central Asia: an assessment of the implementation of infrastructure projects with Kazakhstan and Uzbekistan

Oleg V. Aksenov¹,

Angelina O. Klimova²,

Sviatoslav V. Nikiforov³

^{1, 2, 3} Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russian Federation

¹ Junior Research Fellow at the Mongolian Studies Sector

aksenov@iccaras.ru

<https://orcid.org/0009-0007-4396-2081>

SPIN: 6603-3799, AuthorID: 1304179

² Junior Research Fellow at the Mongolian Studies Sector

klimova@iccaras.ru

<https://orcid.org/0009-0007-3132-6141>

SPIN: 8653-6123, AuthorID: 1301124

³ Senior Research Fellow at the Mongolian Studies Sector

PhD of Science (Pedagogical Sciences), PhD of Science (Law)

nikiforov@iccaras.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3842-4848>

SPIN: 2443-1245, AuthorID: 954985

Abstract. The article analyzes the features of Mongolia's cooperation with Kazakhstan and Uzbekistan in 2023–2025, examining institutional mechanisms of interaction, infrastructure and transport-logistics projects, as well as their impact on the development of trade and economic relations. In cooperation with Kazakhstan, a predominantly declarative-institutional model prevails, while with Uzbekistan the interaction is pragmatic and project-oriented, reflecting different levels of effectiveness of Mongolia's economic diplomacy in the Central Asia.

Key words: Mongolia's cooperation with Central Asian states, Kazakhstan, Uzbekistan, economic diplomacy, infrastructure projects, transport corridors, Eurasian integration, innovative development.

For citation: Aksenov O.V., Klimova A.O., Nikiforov S.V. Mongolia's economic diplomacy in Central Asia: an assessment of the implementation of infrastructure projects with Kazakhstan and Uzbekistan // Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2026. No. 2. P. 25–36.

В последние годы мировая экономика переживает глубокие изменения: усиливается геополитическая напряженность, перестраиваются глобальные цепочки поставок, растет роль региональных интеграционных форматов. В этих условиях экономическая дипломатия малых и средних государств становится не просто вспомогательным инструментом, а одним из ключевых способов снизить внешние риски и обеспечить более устойчивое развитие [1, с. 85–87].

Особую актуальность тема приобретает на фоне заключения 27 июня 2025 г. в Минске временного торгового соглашения между Монголией и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). Одновременно усиливается роль Монголии как связующего звена между Восточной Азией и евразийским экономическим пространством, что делает инфраструктурные проекты в Центральной Азии стратегически важными для полноценной реализации потенциала соглашения.

Вкупе со стремлением Монголии развивать «цивилизационные» положения в Концепции национальной безопасности и ее тесном взаимодействии со странами ШОС и БРИКС, многие из которых позиционируют себя в качестве государств-цивилизаций или цивилизационных государств, подобную экономическую политику можно рассматривать как логичное развитие «цивилизационного» вектора современного монгольского государства, которое, исходя из политико-правовых оснований, мы также вправе определять как государство-цивилизацию. В связи с этим интерес Монголии к рассматриваемому региону выглядит вполне обоснованным.

Центральная Азия традиционно занимает важное место в Евразии как энергетический и транзитный регион, а сегодня ее значение еще больше возрастает благодаря таким инициативам, как Средний коридор (Транскаспийский международный транспортный маршрут; далее – ТМТМ) и дискуссии о формировании «Большой Центральной Азии». Данные проекты превращают ее в привлекательную альтернативу традиционным маршрутам, проходящим через Россию и Китай, что особенно заметно на фоне восстановления после пандемии COVID-19 и обострения международных конфликтов, ускоривших поиск новых логистических цепочек и торговых путей [2, с. 223–228].

На этом фоне Монголия активно продвигает свою многовекторную стратегию, известную как политика «третьего соседа». Ее смысл заключается в развитии партнерских отношений со странами, не являющимися непосредственными соседями, включая государства Центральной Азии [3, с. 120–125; 4, с. 82–85].

Для Монголии инфраструктурные проекты выступают не просто как объекты инвестиций, но и каналы перераспределения экономического влияния в целях снижения транзитной зависимости, диверсификации экспортных рынков, а также встраивания в евразийские транспортные коридоры. В результате Улан-Батор все активнее позиционирует себя как участник региональных инфраструктурных инициатив¹.

Однако, несмотря на рост дипломатической активности, многие проекты так и не выходят за рамки заявлений на политической арене из-за проблем с финансированием, географической удаленности и неравенства экономических потенциалов партнеров. Подобный разрыв можно интерпретировать как проявление «предела мягкой инфраструктурной дипломатии» государств с ограниченными ресурсами – ситуации, при которой институциональная активность опережает способность к проектной реализации.

¹ OECD report (2025), Responsible Business Conduct for Sustainable Infrastructure in Kazakhstan, Mongolia and Uzbekistan. URL: https://www.oecd.org/en/publications/responsible-business-conduct-for-sustainable-infrastructure-in-kazakhstan-mongolia-and-uzbekistan_2762f803-en.html (дата обращения: 05.04.2026).

Теоретико-методологические аспекты экономической дипломатии. В настоящем исследовании экономическая дипломатия понимается как целенаправленное использование государством дипломатических и институциональных инструментов для продвижения экономических интересов за рубежом. В данном случае применяется институционально-геоэкономический подход, согласно которому инфраструктура выступает не только как экономический ресурс, но и как элемент перераспределения власти и доступа к рынкам.

Инфраструктурные инновационные проекты рассматриваются как ключевой канал материализации экономической дипломатии государств с ограниченными ресурсами, стремящихся компенсировать географическую изоляцию, асимметрию рынков и зависимость от транзитных маршрутов, контролируемых внешними акторами.

Эффективность экономической дипломатии в инфраструктурной сфере оценивается по четырем критериям:

1) наличие устойчивой институциональной основы (договоры, межправительственные комиссии, стратегические планы и дорожные карты);

2) способность переходить от меморандумов к реализации проектов (доля объектов на стадии строительства или эксплуатации);

3) устойчивость логистических связей (продолжительность функционирования маршрутов и объем регулярных перевозок);

4) реальный экономический эффект (динамика взаимной торговли, транзитных потоков и инвестиций).

Методологически исследование строится на сравнительном анализе сотрудничества Монголии с Казахстаном и Узбекистаном в постпандемийный период (2023–2025 гг.). Сравнение позволяет выявить как общие закономерности, так и принципиальные различия в результатах. В качестве дополнительных методов использованы институциональный анализ (изучение договорно-правовой базы и механизмов ее исполнения) и кейс-стади по отдельным инициативам. К числу рассмотренных кейсов относятся двусторонние транспортно-логистические, инфраструктурные и сельскохозяйственные проекты, торговое взаимодействие.

Цели и инструменты экономической дипломатии Монголии в Центральной Азии. На фоне современных геополитических потрясений, повлекших переориентацию глобальных цепочек поставок, Центральная Азия превращается в один из главных транзитных и энергетических хабов Евразии. Внешнеэкономическая политика Монголии в регионе направлена на поиск партнеров в освоении транзитных коридоров, диверсификации экспорта и создания новых цепочек добавленной стоимости. Так она пытается минимизировать зависимость от северного (российского) и южного (китайского) маршрутов, связать

Северо-Восточную Азию и «Большую Центральную Азию», найти новые рынки сбыта и использовать различные региональные проекты для привлечения инвестиций [5, с. 45–52].

Механизмами экономической дипломатии в регионе выступают регулярные встречи на уровне глав государств и правительств, встречи премьер-министров в рамках ШОС и ЕАЭС, работа межправительственных комиссий по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству.

Однако, несмотря на дипломатическую активность, результаты пока более чем скромные. Основные причины носят структурный характер: ограниченные административные и финансовые возможности Монголии (недостаток квалифицированных кадров, слабая проектная экспертиза, отсутствие жестких механизмов мониторинга и ответственности); экономическая асимметрия с партнерами (Казахстан и Узбекистан обладают значительно большим инвестиционным потенциалом); зависимость от внешнего финансирования (АБР, ЕБРР, КНР), где приоритеты не всегда совпадают с монгольскими интересами; географическая удаленность и конкуренция с более крупными и уже функционирующими коридорами (например, Средний коридор действует без прямого участия Монголии)². В результате институциональные и дипломатические практики существенно опережают реальную способность страны к воплощению достигнутых договоренностей в конкретные инфраструктурные проекты, приносящие заметный экономический эффект.

Экономическое сотрудничество Монголии и Казахстана. Нормативно-правовая база двустороннего сотрудничества в экономической сфере между современными Казахстаном и Монголией была заложена в октябре 1993 г., когда обе страны заключили Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве³, в котором закрепили проведение открытой экономической политики, предоставление режима наибольшего благоприятствования в торговле, защиту взаимных инвестиций и развитие совместных предприятий. Но основной блок двусторонних «экономических» документов был оформлен в 2024–2026 гг.: Совместная декларация об установлении отношений стратегического партнерства⁴, Дорожная карта на 2025–2027 гг. об активизации торго-

² OECD report (2025), Responsible Business Conduct for Sustainable Infrastructure in Kazakhstan, Mongolia and Uzbekistan. URL: https://www.oecd.org/en/publications/responsible-business-conduct-for-sustainable-infrastructure-in-kazakhstan-mongolia-and-uzbekistan_2762f803-en.html (дата обращения: 05.04.2026).

³ Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Республикой Казахстан и Монголией. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/B940001200> (дата обращения: 10.04.2026).

⁴ Совместная декларация об установлении отношений стратегического партнерства между Монголией и Республикой Казахстан. URL: <https://president.mn/31324/> (дата обращения: 10.04.2026).

во-экономического сотрудничества и межведомственные меморандумы о взаимопонимании в области транспорта, легкой промышленности, добычи полезных ископаемых, сельского хозяйства, информационных технологий, торговли, банковского дела и ядерной энергетики. Среди практических целей декларации в рамках исследования важно отметить доведение ежегодного товарооборота до \$500 млн, расширение поставок монгольской животноводческой и казахстанской плодоягодной и сельскохозяйственной продукции, устранение препятствий в двустороннем транспортном сообщении путем переговоров со странами региона, развитие сотрудничества в рамках ТМТМ (Среднего коридора), создание новых транспортно-логистических маршрутов и организацию прямых рейсов Улан-Батор – Астана – Улан-Батор и Усть-Каменогорск – Улгий.

На данный момент объемы взаимной торговли далеки от искомого идеала. Согласно казахстанской статистике⁵, двусторонний товарооборот в 2023–2025 гг. колебался на уровне \$124–134 млн (экспорт Казахстана достигал 92–97%, импорт – 3–8%), согласно монгольской⁶, – равнялся \$77 млн в 2023 г., \$54 млн в 2024 г. и \$59 млн в 2025 г. (экспорт Монголии составлял 12–28%, импорт – 72–88%). В любом случае его доля не превышала 0,1% от объема общей внешней торговли Казахстана и 0,2–0,3% – Монголии.

На официальном уровне⁷ предлагается нарастить торговлю до заявленного объема за счет увеличения экспорта казахстанского зерна, продукции АПК и машиностроения. Но в части поставок зерна это явно не лучший путь достижения цели: во-первых, столь взрывной рост импорта казахстанских сельхозтоваров почти наверняка негативно скажется на реализации программы продовольственной безопасности Монголии, а во-вторых, экспорт продукции АПК из стран ЕАЭС в соответствии с временным торговым соглашением между Монголией и ЕАЭС (находящимся на стадии завершения ратификации) частично квотируется.

В 2025 г. большую часть монгольских поставок в Казахстан составляли конина (84%), картофель, изделия текстильной промышленности, легковые автомобили, химикаты, радио- и астрономическое оборудование. Обратно Монголия получала табачную продукцию (58%),

⁵ Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/economy/foreign-market/spreadsheets/?year=2024&name=19182&period=&type=> (дата обращения: 10.04.2026).

⁶ Главное таможенное управление Монголии. URL: <https://gaali.mn/statistic/news/663089748298ea7d0fb28d45https://gaali.mn/statistic/news/67ef93fac778a81e597da7ee> (дата обращения: 10.04.2026).

⁷ Министерство иностранных дел Республики Казахстан. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/news/details/1026033?lang=ru> (дата обращения: 10.04.2026).

хлебобулочные изделия и другую пищевую продукцию, алкогольные и безалкогольные напитки, химикаты, нефтепродукты, упаковочную тару, холодильные установки, различное транспортное оборудование, удобрения.

Торговое сотрудничество осуществляется с помощью Казахстанско-Монгольского делового совета, бизнес-форумов (очередной прошел в апреле 2026 г. в Астане) и бизнес-миссий (так, в марте 2026 г. бизнесмены двух стран заключили контракты на сумму более \$60 млн)⁸. На территории Монголии действуют 74 казахстанских предприятия⁹.

Что касается реализации совместных транспортно-логистических и энергетических проектов, то сложно назвать хотя бы один функционирующий на данный момент. Самым масштабным из них является создание нового автодорожного маршрута Усть-Каменогорск – Риддер (Казахстан) – Туекта – Ташанта (РФ) – Цаган-Нур (Монголия), который в два раза (до 840 км) сократит используемый путь (через Барнаул) от Казахстана до Монголии. Сейчас идет строительство на казахстанском участке. В результате строительства автодороги Казахстан – Россия – Монголия последняя сможет подключиться к формирующемуся Среднему коридору, что в свою очередь поможет ей расширить объемы торговли со странами Кавказа, Турцией и ЕС, существенно сократить время товарных поставок и снизить транспортные издержки.

Другие потенциальные проекты находятся в стадии обсуждения или подготовки: создание торговых представительств, расширение географии авиарейсов между странами (действует только маршрут Алма-Ата – Улан-Батор – Алма-Ата) путем подключения маршрутов Астана – Улан-Батор – Астана (планируют запустить в июне 2026 г.), Астана – Улгий – Улан-Батор и Усть-Каменогорск – Улгий, проведение совместных геологоразведочных работ, долгосрочное соглашение о закупке Монголией казахстанских нефтепродуктов, переработка монгольского золота в Казахстане, добыча урана в Монголии с использованием казахстанского опыта и оборудования. Кроме того, Монголия планирует использовать казахские наработки в сфере инновационного развития (инициативы международного центра Alem.ai и международного кластера Astana Hub, проект «Astana Smart City») – искусственный интеллект, цифровизацию, создание «умной» городской инфраструктуры, в том числе для разработки собственной системы дистанционного зондирования Земли.

Таким образом, с одной стороны, наличие насыщенной нормативной базы позволяет экономическому сотрудничеству демонстрировать

⁸ Министерство торговли и интеграции Республики Казахстан. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mti/press/news/details/1185502?lang=ru> (дата обращения: 10.04.2026).

⁹ Президент Монголии. URL: <https://president.mn/36443/> (дата обращения: 20.04.2026).

относительно высокий уровень институциональной устойчивости. С другой стороны, способность перехода от меморандумов к практической реализации остается крайне ограниченной – доля реализуемых проектов фактически стремится к нулю, что подтверждает наличие разрыва между декларативной и проектной составляющими экономической дипломатии. Слабость устойчивых логистических связей, ограниченность реального экономического эффекта в торговле, отсутствие совместных реализуемых проектов позволяют охарактеризовать экономическое сотрудничество Монголии и Казахстана как институционально развитое, но функционально ограниченное. В итоге казахстанское направление остается важным с точки зрения долгосрочного потенциала (в частности, подключения к ТМТМ), однако в кратко- и среднесрочной перспективе его вклад в диверсификацию внешнеэкономических связей Монголии остается ограниченным и не соответствует заявленным стратегическим целям.

Экономическое сотрудничество Монголии и Узбекистана. Нормативно-правовая база двустороннего экономического сотрудничества была по сути сформирована в 2024–2025 гг., когда в рамках государственных визитов президентов Монголии и Узбекистана был подписан целый ряд документов: Совместная декларация об установлении отношений всеобъемлющего партнерства, межведомственные соглашения, меморандумы, планы и программы сотрудничества в сферах торговли и инвестиций, сельского хозяйства, пищевой промышленности, добычи полезных ископаемых, а также межправительственные соглашения о развитии сотрудничества в транспортной отрасли (в области международных автоперевозок и авиасообщения), Совместная программа развития торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества на 2024–2026 гг., Дорожная карта на 2025–2026 гг. в области сельского хозяйства.

Среди заявленных^{10,11} в указанных документах целей стоит выделить рост двустороннего товарооборота в 10–20 раз, увеличение объема экспорта монгольской животноводческой продукции в Узбекистан и узбекской плодово-ягодной и другой продовольственной продукции в Монголию, а также расширение поставок текстильных, химических, промышленных, строительных и фармацевтических товаров из Узбекистана, создание совместных производств и предприятий (животноводческих кластеров, текстильных фабрик, предприятий тяжелой промышленности и др.), организацию Узбекско-Монгольского торгового дома в Улан-Баторе, создание к 2027 г. при помощи узбекских техноло-

¹⁰ Администрация Президента Монголии: сайт. URL: <https://president.mn/29702/> (дата обращения: 11.04.2026).

¹¹ Постановление Президента Республики Узбекистан от 17.07.2025 №ППП-225. URL: <https://lex.uz/ru/pdfs/7636836> (дата обращения: 11.04.2026).

гий промышленного интенсивного сада площадью 15 га в Монголии, организацию регулярных ярмарок, выставок и бизнес-встреч, открытие прямых авиарейсов Улан-Батор – Ташкент – Улан-Батор, запуск автодорожного коридора Ташкент – Бишкек – Урумчи – Улан-Батор.

К 2026 г. Монголия импортировала в Узбекистан 100 000 голов мелкого рогатого скота, АО «Монгол Базальт» и ООО «Базальт Узбекистан» построили в Узбекистане завод, создаются совместные предприятия по производству кашемировой продукции, в Улан-Баторе открылся первый дилерский центр Chevrolet для продажи автомобилей UzAuto Motors, монгольская КОО «Таван Богд Групп» открыла в Ташкенте медико-диагностический центр «Нура», узбекская и монгольская госкомпании (Uzbek Overseas Geology Company и КОО «Мон-Атом») при участии узбекского ГП «Навойиуран» заключили сервисный контракт на проведение геологоразведочных работ для поиска перспективных урановых участков в Монголии. При реализации различных проектов в сельскохозяйственной, горнодобывающей и фармацевтической отраслях также применяются искусственный интеллект и цифровые решения.

В 2025 г., согласно монгольской статистике¹², объем товарооборота между странами вырос в три раза (с \$10,5 до \$32 млн), экспорт Монголии – более чем в четыре раза (с \$6 до \$25 млн), импорт из Узбекистана – на 40% (с \$4,7 до \$6,6 млн). Весомый вклад в рост товарооборота вносят более 10 монгольских предприятий, работающих в Узбекистане (например, АО «Монгол Базальт»), и 24 узбекских, функционирующих в Монголии, Торговый дом Узбекистана в Улан-Баторе (открыт в июне 2025 г.), бизнес-форумы и выставки.

В 2025 г. Монголия экспортировала в Узбекистан мясо мелкого рогатого скота (50%), живой скот (40%), конину (8,5%), пищевые субпродукты и картофель, импортировала какао-бобовую, хлебобулочную, кондитерскую, колбасную и плодово-ягодную продукцию, безалкогольные напитки, орехи и сухофрукты (пищевая продукция составила 68% импорта), автомобили и другой транспорт (14%), моющие средства (7%), алюминиевые полуфабрикаты (4%), холодильное оборудование (2%) и полимерные изделия (менее 1%). Однако поскольку планы по поставке в Узбекистан монгольского живого скота, обеспечившего более 30% товарооборота, были выполнены досрочно, то в 2026 г. стоит ожидать снижения двусторонних внешнеторговых показателей.

При этом использование коридора Ташкент – Бишкек – Урумчи – Улан-Батор до сих пор на стадии обсуждения; открытие прямых рейсов между столицами двух стран перенесено с 2025 г. на 2026 г.

¹² Главное таможенное управление Монголии: сайт. URL: <https://gaali.mn/statistic/news/69bcbf76f63373643bfb8fe7> <https://gaali.mn/statistic/news/67ef93fac778a81e597da7ee> (дата обращения: 10.05.2026).

Таким образом, экономическое сотрудничество Монголии и Узбекистана в разной степени удовлетворяет трем из четырех критериев эффективности экономической дипломатии в инфраструктурной сфере. Однако географическая удаленность друг от друга, сложности в налаживании стабильных транспортных связей и эпизодичность крупных проектов позволяют считать эффективность экономической дипломатии Монголии в инфраструктурной сфере ограниченной, демонстрирующей «предел мягкой инфраструктурной дипломатии» малых государств.

Сравнительный анализ. Активизация экономического сотрудничества Монголии с Казахстаном и Узбекистаном в 2024–2025 гг. началась с установления отношений стратегического/всеобъемлющего партнерства, что демонстрирует ее желание упрочить диверсификацию внешнеэкономических связей на фоне геополитической турбулентности. Оба центральноазиатских государства представляют для Монголии интерес в плане реализации их транзитного, логистического потенциала, а также в качестве достаточно емких рынков сбыта традиционной линейки экспортных монгольских товаров. С их же стороны очевиден интерес к сотрудничеству по линии поставок в Монголию плодородной и промышленной продукции и осуществлению совместных проектов в сферах сельского хозяйства и добычи полезных ископаемых.

При этом экономическое взаимодействие Монголии с Казахстаном и Узбекистаном характеризуется определенным различием в плане реализации конкретных проектов. Если с Казахстаном они пока находятся только на бумаге, то с Узбекистаном Монголия уже имеет несколько совместных действующих и находящихся в стадии строительства объектов, что демонстрирует более прагматичный характер двусторонних экономических связей. Таким образом, экономическая дипломатия Улан-Батора в отношении Центральной Азии сочетает две модели: на казахстанском направлении она остается преимущественно декларативно-институциональной, тогда как на узбекском приобретает более прагматично-проектный характер.

Сравнительный анализ подтверждает, что переход от институциональной активности к реальным инфраструктурным и экономическим результатам остается главным вызовом для экономической дипломатии Монголии в Центральной Азии.

Подводя итог, отметим следующее. В целом сотрудничество Монголии с Казахстаном и Узбекистаном можно охарактеризовать как перспективное направление «мягкой инфраструктурной дипломатии», демонстрирующее потенциал для долгосрочной интеграции в евразийское экономическое пространство, но в кратко- и среднесрочной перспективе оно остается структурно неэффективным. Отсутствие синхронизации действий между участниками проектов и недостаток

финансовых ресурсов существенно снижают общую эффективность экономической дипломатии. Преодоление вышеуказанных ограничений потребует усиления проектного менеджмента, диверсификации источников финансирования и большей координации с третьими сторонами, в том числе по линии сотрудничества Монголии с ЕАЭС в рамках временного торгового соглашения. Только в этом случае экономическая политика Монголии в Центральной Азии сможет эволюционировать от преимущественно мягкой инфраструктурной дипломатии к реальной геоэкономической интеграции.

Список источников / References

1. Irgengioro J. Mongolia-Central Asia relations and the implications of the rise of China on its future evolution. *International Politics*. 2023. Vol. 60. No. 3. P. 76–106. DOI: 10.1057/s41311-021-00372-7.
2. Högselius, P. The hidden interaction of Central Asia: the making of a region through technical infrastructures. *Central Asian Survey*. Vol. 41. No. 2. P. 223–243. DOI: 10.1080/02634937.2021.1953963.
3. Khongorzul D. Mongolia and Central Asia in Transition. *Ritsumeikan Journal of Asia Pacific Studies*. 2009. Vol. 41. P. 117–148.
4. Грозин А.В. Монголия и республики Центральной Азии / А.В. Грозин // Геоэкономика энергетики. – 2024. – №1(25). – С. 80–95. – DOI: 10.48137/26870703_2024_25_1_80 / Grozin A.V. Mongolia and the Republics of Central Asia. *Geoekonomika energetiki = Geo-Economics of Energy*. 2024. No. 1 (25). P. 80–95. – DOI: 10.48137/26870703_2024_25_1_80 (In Russ.).
5. Khan K.H., Koch H., eds. *Emerging Central Asia: Managing Great Power Relations*. Clifton: *Blue Dome Press*, 2021. 247 p.

Статья поступила 21.05.2026, принята к публикации 01.06.2026

© Аксенов О.В., Климова А.О., Никифоров С.В., 2026

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Научная статья

УДК 347.78

Защита интеллектуальных прав на произведения науки в цифровую эпоху

Марина Валентиновна Ниязова¹,

Лилия Дмитриевна Тарасова²

^{1,2} Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия

¹ Доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Института права, кандидат экономических наук, доцент

marinav.var@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5638-6959>, AuthorID: 396825

² Студентка Института права

liliyatarasova2003@gmail.com

Аннотация. Цифровая среда значительно изменяет процесс создания произведений науки, ускоряя и расширяя их воспроизведение и распространение, порождая множество конфликтов между участниками гражданского оборота. В статье проанализирована практика защиты интеллектуальных прав на произведения науки, формирующаяся под влиянием развития информационных технологий. Результаты исследования показали, что научное сообщество отмечает усиление разрыва между теорией и практикой

защиты интеллектуальных прав в процессе цифровизации. Анализ российской судебной практики демонстрирует формирование обособленной группы – споров о защите интеллектуальных прав на произведения в цифровой среде. Она связана не только с распространением произведения в сети Интернет и охраноспособностью контента, полученного с использованием нейросети, но и предполагает специальный подход к предмету доказывания. Авторами выделены тенденции правоприменения и сформулированы предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: произведение науки, автор, правообладатель, пределы защиты прав, тенденции правоприменительной практики.

Для цитирования: Ниязова М.В., Тарасова Л.Д. Защита интеллектуальных прав на произведения науки в цифровую эпоху // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2026. – № 2. – С. 37–50.

Original article

Protection of intellectual property rights to scientific works in the digital age

Marina V. Niyazova¹,

Lilia D. Tarasova²

^{1,2} Vladivostok State University, Vladivostok, Russian Federation

¹ Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines at the Law Institute, Candidate of Science (Economics), Associate Professor
marinav.var@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5638-6959>,
AuthorID: 396825

² Student of Law Institute graduate
liliyatarasova2003@gmail.com

Abstract. The digitalization transforms the process of creating scientific works significantly, accelerating and expanding their reproduction and dissemination, giving rise to numerous conflicts among participants in civil transactions. This article analyzes the practice of protecting intellectual property rights in scientific works, which is evolving under the influences of information technology. The study reveals that the academic community has observed a widening gap between theory and practice in the protection of intellectual property rights under digitalization. An analysis of Russian case

law demonstrates the emergence of a distinct category: disputes over the protection of intellectual property rights for works in the digital environment. This category links not only to the distribution of works on the Internet and the protectability of content generated using neural networks, but also requires a specialized approach to the subject matter of proof. Finally, the paper highlights trends in law enforcement and makes recommendations for improvement.

Key words: scientific work, author, rights holder, limits on the protection of rights, trends in law enforcement practice.

For citation: Niyazova M.V., Tarasova L.D. Protection of intellectual property rights to scientific works in the digital age // Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2026. No. 2. P. 37–50.

В 2025 г. Нобелевская премия по экономике была присуждена за объяснение инновационно обусловленного экономического роста, в котором особое внимание уделялось роли научного знания и институтов, обеспечивающих их непрерывное накопление и распространение. Тем самым показано, что произведения науки как форма фиксации и передачи научного знания – не просто культурный феномен, а один из структурных элементов инновационной экономики и общественного развития, требующий применения сбалансированного правового режима осуществления и защиты интеллектуальных прав на них с учетом частных и общественных интересов. Однако поиск баланса на основе юридически выверенных пределов осуществления и защиты интеллектуальных прав на произведения науки осложнен кумулятивной природой научной коммуникации (строится на цитировании, критике, репликации) и цифровизацией среды, радикально расширившей масштабы и скорость воспроизведения и распространения научных материалов. Последнее не только увеличило их доступность, но и усложнило правовое регулирование. Это выражается во множественности спорных ситуаций: определение допустимого объема и форм цитирования, в том числе нетекстовых элементов (таблиц, иллюстраций, схем), разграничение заимствования научной идеи и охраняемой формы выражения, квалификация использования фрагментов научных текстов в образовательных платформах и электронных репозиториях, оценка добросовестности поведения правообладателя при предъявлении требований и выборе мер защиты.

Представляет научный интерес анализ практики защиты интеллектуальных прав на произведения науки, формирующейся под влиянием развития информационных технологий. Для этого следует ответить на ряд вопросов: какие риски защиты выделяет научное сообщество

в цифровую эпоху, в чем особенности использования в Интернете и охраноспособности результата, созданного в том числе с применением искусственного интеллекта, какие тенденции правоприменения следует выделить?

Исследование опирается на анализ нормативных конструкций и их системное толкование, в том числе судебную практику, сопоставление подходов к ограничениям и пределам защиты, а также на методы научного синтеза и правового моделирования (для формулирования выводов и рекомендаций). Эмпирическую базу составляют материалы опубликованной судебной практики 2017–2025 гг. (акты судов общей юрисдикции и арбитражных судов), отобранные по критериям репрезентативности для типовых конфликтов научного оборота.

Решению проблемы осуществления и защиты интеллектуальных прав посвящено достаточно большое количество исследований. Научное сообщество занимают не только традиционные вопросы о формах произведений науки [1–3] и о правовом режиме их охраны [4–6], но и проблемы правоприменения в условиях развития цифровых технологий, которые, с одной стороны, способствуют ускорению распространения научного знания и обеспечению к ним более широкого доступа, а с другой – приводят к нарушению авторских прав, пиратству и несанкционированному использованию в глобальном масштабе [7–9]. В ряде работ отмечают, что разработанная система способствует формальной защите, передаче технологий и стимулированию научных результатов [10–12]. Однако развитие информационных технологий усилило разрыв между теорией и практикой. Сегодня требуют урегулирования такие вопросы, как, например, использование охраняемых произведений для обучения моделей искусственного интеллекта и созданного с его помощью контента, правоприменение в отношении интернет-пиратства и плагиата, а также создания технической инфраструктуры для мониторинга и доказательства нарушений прав в Интернете [13–14]. Судебная защита зачастую становится неэффективной ввиду анонимности нарушителей или трансграничного характера правонарушений. Кроме того, современное движение за открытую науку осложняет соблюдение прав интеллектуальной собственности, которое может препятствовать сотрудничеству и доступу к информации [15–16]. Отдельно выделяют невысокий уровень осведомленности общественности и юристов о цифровых правах интеллектуальной собственности [17]. Совершенствование защиты предлагают на основе внедрения технологических средств охраны (электронная подпись [18], блокчейн-решения для фиксации прав [19–20], депонирования и отслеживания использования объектов в сети, систем распознавания контента, DRM, ИИ-инструментов для автоматического выявления нарушений и плагиата и др.), которые могут усилить защиту, но требуют широкого внедрения

среди заинтересованных сторон и не могут заменить собой четкие правовые стандарты или эффективные механизмы правоприменения [21]. При этом указывается на важность анализа судебной практики для определения подходов к правовому регулированию [22–24].

Предварительный анализ судебной практики по спорам, вытекающим из отношений по осуществлению и защите интеллектуальных прав на произведения науки, выявил две традиционные группы. В первой (защита личных неимущественных прав) решающим является подтверждение (со)авторства, надлежащих сторон и факта нарушения через неправомерное воспроизведение охраняемой формы выражения либо некорректную атрибуцию; частичное удовлетворение требований, как правило, обусловлено пределами доказанности или индивидуализацией присуждения с учетом принципов разумности и соразмерности¹. В спорах второй группы (защита исключительного права) удовлетворение иска поставлено в зависимость от подтверждения всей цепочки юридически значимых обстоятельств: наличия титула права, охраноспособности объекта, факта использования соответствующим способом и статуса надлежащего ответчика². Отсутствие или недоказанность хотя бы одного звена влечет отказ в удовлетворении иска независимо от размера заявленной компенсации.

Отдельно выделим дела, связанные с защитой интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет (цифровые споры)³. Для них характерно повышение стандарта доказывания и значимость квалификации доведения до всеобщего сведения: суды требуют технически подтвержденного уста-

¹ См., например: решение Кировского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан от 14.08.2019 по делу №2-3077/2019; решение Ленинского районного суда г. Самары от 29.04.2020 по делу №2-1248/2020; решение Элистинского городского суда Республики Калмыкия от 26.12.2019 по делу №2-107/2020; решение Кстовского городского суда Нижегородской области от 05.06.2019 по делу №2-1281/2019; решение Гагаринского районного суда г. Москвы от 01.02.2022 по делу №02-0156/2022; решение Серафимовичского районного суда Волгоградской области от 09.07.2019 по делу №2-292/2019; решение Октябрьского районного суда г. Улан-Удэ от 01.11.2017 по делу №2-5129/2017; решение Советского районного суда г. Брянска от 19.02.2025 по делу №2-635/2025.

² См., например: Постановление СИП от 21.03.2025 по делу №С01-95/2025 по делу №А40-65139/2024; Постановление СИП от 19.05.2025 по делу №А75-21878/2022; Постановление СИП от 20.06.2023 по делу №А76-24162/2020; Постановление СИП от 23.10.2025 по делу №А32-12674/2024; Решение Плавского районного суда Тульской области от 27.11.2019 по делу №2-369/2019; Решение Арбитражного суда г. Москвы от 19.02.2020 по делу №А40-253280/2019; Решение Орехово-Зуевского городского суда Московской области от 22.06.2020 по делу №2-1739/2020; Решение Ленинского районного суда г. Пензы от 07.12.2017 по делу №2-3711/2017.

³ См., например: Постановление СИП от 11.11.2022 по делу №А40-269679/2021; Постановление СИП от 31.07.2024 по делу №А40-68453/2022; Постановление СИП от 08.02.2023 по делу №А40-267527/2021.

новления доступа к полному тексту и функциональной роли ответчика с учетом модели ответственности информационного посредника. В целом пределы осуществления и судебной защиты прав на произведения науки проявляются не только через выбор способа защиты (например, пресечение, публикация, компенсация), но и через качество доказательственной модели, позволяющей суду установить юридически значимые обстоятельства и индивидуализировать меру гражданско-правовой ответственности.

В российской практике, доступной в открытых источниках, пока отсутствуют споры, предметом которых является нарушение прав на произведения науки (монографии, диссертации, научные статьи), непосредственно сгенерированные нейросетью, однако это не означает ее отсутствие. Суды уже сформировали четкую правовую позицию по смежному вопросу: охраноспособности контента, созданного с использованием ИИ, и ответственности за его незаконное использование. Так, в деле № А40-200471/2023⁴ признано, что создание произведения (видеоролика) с применением модели ИИ (deep-fake) означает его техническую обработку и не подменяет творческий вклад человека (сценариста, видеооператора (оператора-постановщика), моушн-дизайнера, актера). Полученный с помощью такой технологии результат – произведение – охраняется авторским правом, и его свободное использование не допускается. Ответчик не доказал, что видео создано машиной без участия человека, т.е. презумпция авторства не опровергнута.

Таким образом, логика и выводы этого дела могут проецироваться на защиту любых объектов, включая научные произведения, если они созданы творческим трудом человека.

Исследование показало **ряд устойчивых тенденций правоприменения** в спорах о защите исключительных прав на произведения науки в цифровой среде.

Во-первых, в спорах о плагиате суды формируют двухуровневый стандарт оценки – академико-этический и юридический, причем последний требует доказательств воспроизведения охраняемой формы. Продемонстрируем это на примере судебного решения по делу № 2-3077/2019⁵, поддержанного вышестоящими инстанциями. Так, для доказательства факта причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации решающее значение имело установление факта распространения ответчиком сведений об истце, их порочащий характер и несоответствие действительности, а факта заимствования – судебная лингвистическая экспертиза, результаты которой были противопоставлены отчету о проверке в системе «Антиплагиат». Таким образом,

⁴ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 30.11.2023 по делу № А40-200471/2023.

⁵ Решение Кировского районного суда г. Уфы от 14.08.2019 по делу № 2-3077/2019.

достаточным доказательством нарушения права является заключение судебного эксперта о воспроизведении охраняемой формы спорного произведения науки, но не указание на долю заимствований в тексте, определенную с помощью интернет-сервиса.

Во-вторых, выявлено повышение стандарта доказывания в цифровых спорах. Российская практика исходит из того, что для удовлетворения иска о нарушении прав недостаточно подтвердить отсутствие сведений об авторе (правообладателе) спорного произведения науки. Необходимо доказать фактический механизм доступа к его охраняемой форме, например, позволяет ли он воспроизводить, скачивать текст или переходить к нему по ссылке. Это отчетливо следует из решения дела № А40-253280/2019⁶, в котором суд, согласившись с фактом принадлежности истцу исключительных прав на спорное произведение, отказал в удовлетворении требований ввиду недоказанности его незаконного использования. В ходе разбирательства он сделал акцент на разграничении метаданных статьи (название, аннотация) и полного текста, отметив отсутствие доказательств использования последнего путем продажи на интернет-странице (истец не произвел закупку по опубликованному предложению).

В делах, связанных с использованием гиперссылок, стандарт доказывания еще выше. Так, по делу № А40-26979/2021⁷ СИП отменил судебные акты и направил спор на новое рассмотрение, указав на неполное установление юридически значимых обстоятельств (включая оценку характера размещенных элементов, проверку применимости свободного использования и квалификацию поведения через ст. 1253.1 ГК РФ). Из материалов дела следует, что ответчик доводил до всеобщего сведения аннотацию и название спорного произведения путем размещения гиперссылок на контент, однако он выполнял функции блокчейн-платформы управления правами объектов интеллектуальных прав в информационных целях, а доказательства работоспособности гиперссылок (для перенаправления на полные версии спорных произведений) суду не были представлены. В деле № А40-68453/2022⁸ при сходных фактических обстоятельствах суды отказали в удовлетворении исковых требований в связи с тем, что истец также не подтвердил работоспособность ссылок и фактическую доступность произведения по указанным адресам, т.е. не доказал использование произведения в форме доведения до всеобщего сведения. К противоположному выводу приходит суд и признает незаконное использование, оставляя в силе взыскание компенсации, если доказано, что гиперссылки и сопутствующие элементы фактически обеспечивали доступ к полным текстам

⁶ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 19.02.2020 по делу № А40-253280/2019.

⁷ Постановление СИП от 11.11.2022 по делу № А40-269679/2021.

⁸ Постановление СИП от 31.07.2024 по делу № А40-68453/2022.

под контролем ответчиков, суд признал незаконное использование и оставил в силе взыскание компенсации (дело № А40-267527/2021⁹). В результате практика формирует фактическое правило: в цифровой среде защита исключительного права зависит от того, удалось ли истцу доказать цепочку «ссылка → работоспособность → доступ к полному тексту → связь доступа с действиями ответчика».

В доктрине отмечается, что технологические изменения делают IP-дела сложнее: суду приходится решать вопросы не только права, но и цифровой инфраструктуры доступа/распространения (кто контролирует ресурс, какой механизм доведения, где граница «информирования» и «использования» и т.д.). Е.А. Войниканис прямо связывает усложнение дел с технологическим развитием и подчеркивает необходимость интенсивной коммуникации суда с научным сообществом именно потому, что новые технологические модели постоянно меняют контуры правовой квалификации [25].

Следующая тенденция указывает на повышение требований к цифровым доказательствам и их проверяемости. Судебная практика по спорам о произведениях науки демонстрирует устойчивое движение к признанию результатов интернет-фиксации в качестве полноценных доказательств. Прежде всего речь идет о скриншотах веб-страниц, которые суды воспринимают как относимые и допустимые доказательства при наличии идентифицирующих признаков: рабочей интернет-ссылки (URL), указания даты и времени фиксации, а также признаков источника и содержания страницы (адресная строка, заголовки, реквизиты публикации, элементы интерфейса ресурса). Так, в деле №2-4860/2024¹⁰ суд опирался на скриншоты страниц сайта издателя и РИНЦ (eLIBRARY) с указанием URL и даты, а также на сопоставление фрагментов текста при выводе о неатрибутированном заимствовании. Аналогичный подход отражен в деле №2-567/2018¹¹, где существенное значение для установления способа использования и объема заимствованного материала в цифровой среде имели скриншоты страниц видеохостинга, а также сопоставление фрагментов текста. Возрастает роль видео- и фотофиксации, в том числе с использованием специализированных сервисов закрепления цифровых следов. Они позволяют подтвердить не только статичное наличие страницы, но и последовательность действий пользователя (переход по ссылкам, открытие материала, воспроизведение, отображение полного текста), что особенно значимо для споров о доведении произведения до всеобщего сведения и для ситуаций, когда контент может оперативно изме-

⁹ Постановление СИП от 08.02.2023 по делу № А40-267527/2021.

¹⁰ Решение Октябрьского районного суда г. Тамбова от 03.02.2025 по делу №2-4860/2024.

¹¹ Решение Балтийского городского суда Калининградской области от 23.10.2018 по делу №2-567/2018.

няться или удаляться. Например, такие доказательства использованы в делах №№ А40-253280/2019¹², А76-24162/2020¹³, А40-65139/2024¹⁴, 2-1739/2020¹⁵ (интернет-сервисы «ВЕБДЖАСТИС», Whois и др.). В результате складывается практический стандарт, определяющий пределы судебной защиты: цифровые доказательства должны быть проверяемыми, воспроизводимыми и обеспечивающими связь между доступом к охраняемому произведению и действиями конкретного ответчика, а при отсутствии таких признаков суды признают доказательственную базу недостаточной, что влечет отказ в удовлетворении иска либо ограничение объема защиты пределами доказанного.

В качестве еще одной тенденции можно обозначить требование дифференцировать способы использования произведения, разграничивая его публикацию в печатной и в цифровой (онлайн) форме. Показательно решение по делу №2-1739/2020¹⁶, с которым не согласился суд кассационной инстанции и указал на необходимость установления действительного волеизъявления правообладателя на размещение произведения в сети Интернет, поскольку публикация в печатном издании не тождественна доведению до всеобщего сведения в сети. Тенденция демонстрирует, что пределы судебной защиты во многом основываются на корректной квалификации способа использования и объема переданных по договору прав.

В завершение отметим: судебная практика по данной категории споров не исходит из закрытого перечня средств доказывания. Представляемые доказательства должны отвечать требованиям относимости, допустимости и достоверности. В совокупности типовой доказательственный массив для оценки включает: документы, подтверждающие титул и объем прав (лицензионные договоры, приложения к ним, подтверждения автора о передаче прав, сведения об обнародовании и первичной публикации); материалы, фиксирующие факт и способ использования (протоколы осмотра интернет-страниц, нотариальные протоколы, скриншоты с указанием URL и даты, сведения о доступе к полному тексту, факте скачивания/получения файла, о платном доступе и функционале ресурса); материалы сопоставления спорных объектов (сравнительный анализ текстов, таблицы совпадений, экспертные заключения, прежде всего лингвистические исследования); документы, позволяющие установить роль и контроль ответчика над распространением (данные о владельце/администраторе ресурса,

¹² Решение Арбитражного суда г. Москвы от 19.02.2020 по делу № А40-253280/2019.

¹³ Постановление СИП от 20.06.2023 по делу № А76-24162/2020.

¹⁴ Постановление СИП от 21.03.2025 № С01-95/2025 по делу № А40-65139/2024.

¹⁵ Решение Орехово-Зуевского городского суда Московской области от 22.06.2020 по делу №2-1739/2020.

¹⁶ Там же.

договорные цепочки с издателями и агрегаторами, претензионная переписка и реакция на нее). В цифровых спорах особое значение приобретают технически воспроизводимые способы фиксации: работоспособность гиперссылок, доступность полного текста на стороне ресурса, куда ведет ссылка, и прослеживаемость связи такого доступа с действиями конкретного ответчика.

Итак, исследование вопросов осуществления и защиты интеллектуальных прав на произведения науки в условиях цифровизации позволило выделить риски, особенности использования и охраноспособности объектов, а также тенденции правоприменения. В целом российская практика демонстрирует переход к более строгому и «технологичному» правоприменению, развивая специальный подход к предмету доказывания в спорах о защите прав на произведения науки в связи с незаконным распространением в сети Интернет или его созданием с применением технологий на основе ИИ.

Полученные выводы направлены на совершенствование правового регулирования. Можно рекомендовать, например, уточнить объект и объем охраны в цифровой среде (доктринально и нормативно), повысить воспроизводимость доказывания цифрового использования и корректность определения надлежащего ответчика, конкретизировать условия свободного использования произведений для научно-исследовательских целей. Эти и другие меры развития авторского права должны способствовать сбалансированию частных и публичных интересов, стимулируя творческий потенциал для создания и распространения знания, в том числе с применением информационно-технических средств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Винокуров В.А. Научные публикации как произведения науки: вопросы оформления / В.А. Винокуров // Право интеллектуальной собственности. – 2024. – №4(78). – С. 12–15. – DOI: 10.55291/1999-480X-2024-4-12-15.

2. Ломакина А.А. Разграничение произведений науки и литературы: литературоведческий и цивилистический подходы / А.А. Ломакина // ИС. Авторское право и смежные права. – 2025. – №6. – С. 81–87. – EDN: VNMONH.

3. Леонтьев Б.Б. Что в авторском праве считать произведениями науки? / Б.Б. Леонтьев // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2023. – №3. – С. 60–67. – EDN: TUNSSS.

4. Наумов М.А. Критерий научности как квалифицирующий признак произведений науки / М.А. Наумов // Цивилист. – 2024. – №2. – С. 51–59. – EDN: NHKJGB.

5. Рожкова М.А. 5 признаков (критериев охраноспособности) произведений науки, закрепленных действующим законодательством / М.А. Рожкова //

Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2024. – №2(44). – С. 145–152. – DOI: 10.58741/23134852_2024_2_8.

6. Салицкая Е.А. О проблеме неохранияемого содержания научного произведения, или нужна ли «собственность» на идеи / Е.А. Салицкая // Вестник Российской академии наук. – 2019. – №10. – С. 1003–1011. – DOI: 10.31857/S0869-587389101003-1011.

7. Nibeditamallick M. Intellectual property rights in the digital age: issues and solutions // Int. J. of Adv. Res. – 2025. – No. 13(05). – P. 1089–1095. – DOI: 10.21474/IJAR01/20997.

8. Naumov M. “Elsevier inc. v. sci-hub”: some aspects of copyright infringement in digital space. SHS Web of Conferences. – 2021. – DOI: 10.1051/shsconf/202110901027.

9. Tumalavičius V., Prykhodkina N., Vovk M., Mytych S., Kustovska O. Legal impacts of digitization on intellectual property. Revista Amazonia Investiga. – 2024. – Vol. 13, Issue 74. – P. 214–226. – DOI: 10.34069/ai/2024.74.02.18.

10. Barabashev A., Ponomareva D., Burt J. Review of the Results of Scientific Activities: Protecting Intellectual Property in Russian and American Legal Practice. Journal of Physics: Conference Series. – 2019. – P. 1406. – DOI: 10.1088/1742-6596/1406/1/012009.

11. Zermeno-Guerrero J., Garza-Ruiz M., Rodríguez-Padilla M. Knowledge on intellectual property as an advantage for scientific research. Inquietud Empresarial. – 2021. – DOI: 10.19053/01211048.11533.

12. Shadofa S. Intellectual Property Rights and Scientific Plagiarism. International Journal of Law Research and Studies. – 2024. – DOI: 10.59992/ijlrs.2024.v3n3p3.

13. Reichman J.H., Okediji R.L. When Copyright Law and Science Collide: Empowering Digitally Integrated Research Methods on a Global Scale // Minn. L.Rev. – 2012. – 96(4). – P. 1362–1480. – DOI: 10.24926/265535.1308.

14. Sopilko I., Filinovich V., Pankova L., Obshalov S., Chaplynskyi K. Protection of Intellectual Property Rights from Cyber Threats in the Global Information Environment. Novum Jus. – 2023. – DOI: 10.14718/novumjus.2023.17.1.10.

15. Amicarella S.E. Dalla scienza moderna alla scienza aperta, pubblicare in ambito scientifico: copyright, Creative Commons e... oltre. Recenti Prog Med. – 2025. – Vol. 116. – No. 2. – P. 69–76. – DOI: 10.1701/4450.44437.

16. Beiter K.D. Open Access ‘Unaccomplished’ – Reforming Copyright or Reconceptualizing Science? Access to Scholarly Publications under a (Reinterpreted) Right to Science. Nordic Journal of Human Rights. – 2024. – No. 42(3). – P. 281–321. – DOI: 10.1080/18918131.2024.2390277.

17. Silaen R., Sembiring T. Legal Protection of Intellectual Property Rights in the Digital Era. Ipso Jure. – 2024. – No. 1(5). – P. 1-8. – DOI: 10.62872/9hn74238.

18. Samoilenko O., Bieliaieva A., Borodii Y. Using digital technologies to certify intellectual property rights. Technical sciences and technologies. – 2025. – DOI: 10.25140/2411-5363-2025-1(39)-125-133.

19. Фролова Е.Е. Цифровые инструменты защиты прав на интеллектуальную собственность: на примере блокчейн и искусственного интеллекта / Е.Е. Фролова, Е.В. Купчина // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2023. – Вып. 3(61). – С. 479–498. – DOI: 10.17072/1995-4190-2023-61-479-498.
20. Luo L. Application of Blockchain Technology in Intellectual Property Protection. *Mathematical Problems in Engineering*. – 2022. – DOI: 10.1155/2022/4641559.
21. Guo R. Research on the protection of enterprise digital intellectual property rights // *Science of Law Journal*. – 2024. – Vol. 3, No. 2. – P. 153–159. – DOI: 10.23977/law.2024.030223.
22. Ворожевич А.С. Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты / А.С. Ворожевич. – Москва: Статут, 2022. – 596 с.
23. Ponomareva D., Maggs P., Barabashev A. Copyright and protection of scientific results: the experience of Russia, the United States and the countries of the Near East. *Journal of Physics: Conference Series*. – 2020. – P. 1685. – DOI: 10.1088/1742-6596/1685/1/012018.
24. Rzabay A., Bekezhanov D., Surkova S. Protection of intellectual rights in the era of artificial intelligence: experience of Kazakhstan and world practice. *Eurasian Scientific Journal of Law*. – 2025. – DOI: 10.46914/2959-4197-2025-1-3-133-143.
25. Войниканис Е.А. Специализированные суды по интеллектуальной собственности и наука: о феномене научной экосистемы Суда по интеллектуальным правам / Е.А. Войниканис // *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. – 2023. – № 2(40). – С. 5–7. – DOI: 10.58741/23134852_2023_2_101.

References

1. Vinokurov V.A. Scientific Publications as Works of Science: Formatting Issues. *Pravo intellektual'noj sobstvennosti = Intellectual Property Law*. 2024. No. 4(78). P. 12–15. DOI: 10.55291/1999-480X-2024-4-12-15 (In Russ.).
2. Lomakina A.A. Distinguishing Between Scientific and Literary Works: Literary and Legal Approaches. *IS. Avtorskoe pravo i smezhny'e prava = IP. Copyright and Related Rights*. 2025. No. 6. P. 81–87. EDN: VNMONH (In Russ.).
3. Leontiev B.B. What is considered a scientific work in copyright? *Kopirajt = Copyright*. 2023. No. 3. P. 60–67 (In Russ.).
4. Naumov M.A. The criterion of scientific validity as a defining characteristic of scientific works. *Civilist*. 2024. No. 2. P. 51–59. EDN: NHKJGB (In Russ.).
5. Rozhkova M.A. 5 attributes (criteria of protectability) of works of science enshrined in the current legislation. *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam = Journal of the Intellectual Property Court*. 2024. No. 2(44). P. 145–152. DOI: 10.58741/23134852_2024_2_81 (In Russ.).
6. Salitskaya E.A. Problem of uncopyrightable content of a scientific paper, or is there a need for a property right of ideas. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk =*

Herald of the Russian Academy of Sciences. 2019. No. 10. P. 1003–1011. DOI: 10.31857/S0869-587389101003-1011 (In Russ.).

7. Nibeditamallick M. Intellectual property rights in the digital age: issues and solutions. *Int. J. of Adv. Res.* 2025. No. 13(05). P. 1089–1095. DOI: 10.21474/IJAR01/20997.

8. Naumov M. “Elsevier inc. v. sci-hub”: some aspects of copyright infringement in digital space. *SHS Web of Conferences*. 2021. DOI: 10.1051/shsconf/202110901027.

9. Tumalavičius V., Prykhodkina N., Vovk M., Mytych S., Kustovska O. Legal impacts of digitization on intellectual property. *Revista Amazonia Investiga*. 2024. Vol. 13, Issue 74. P. 214–226. DOI: 10.34069/ai/2024.74.02.18.

10. Barabashev A., Ponomareva D., Burt J. Review of the Results of Scientific Activities: Protecting Intellectual Property in Russian and American Legal Practice. *Journal of Physics: Conference Series*. 2019. P. 1406. DOI: 10.1088/1742-6596/1406/1/012009.

11. Zermeño-Guerrero J., Garza-Ruiz M., Rodríguez-Padilla M. Knowledge on intellectual property as an advantage for scientific research. *Inquietud Empresarial*. 2021. DOI: 10.19053/01211048.11533.

12. Shadofa S. Intellectual Property Rights and Scientific Plagiarism. *International Journal of Law Research and Studies*. 2024. DOI: 10.59992/ijlrs.2024.v3n3p3.

13. Reichman J.H., Okediji R.L. When Copyright Law and Science Collide: Empowering Digitally Integrated Research Methods on a Global Scale // *Minn. L.Rev.* 2012. 96(4). P. 1362–1480. DOI: 10.24926/265535.1308.

14. Sopilko I., Filinovich V., Pankova L., Obshalov S., Chaplynskyi, K. Protection of Intellectual Property Rights from Cyber Threats in the Global Information Environment. *Novum Jus*. 2023. DOI: 10.14718/novumjus.2023.17.1.10.

15. Amicarella S.E. Dalla scienza moderna alla scienza aperta, pubblicare in ambito scientifico: copyright, Creative Commons e... oltre. *Recenti Prog Med*. 2025. Vol. 116, No. 2. P. 69–76. DOI: 10.1701/4450.44437.

16. Beiter K.D. Open Access ‘Unaccomplished’ – Reforming Copyright or Reconceptualizing Science? Access to Scholarly Publications under a (Reinterpreted) Right to Science. *Nordic Journal of Human Rights*. 2024. No. 42(3). P. 281–321. DOI: 10.1080/18918131.2024.2390277.

17. Silaen R., Sembiring T. Legal Protection of Intellectual Property Rights in the Digital Era. *Ipsa Jure*. 2024. No. 1(5). P. 1–8. DOI: 10.62872/9hn74238.

18. Samoilenko O., Bieliaieva A., Borodii Y. Using digital technologies to certify intellectual property rights. *Technical sciences and technologies*. 2025. DOI: 10.25140/2411-5363-2025-1(39)-125-133.

19. Frolova E.E., Kupchina E.V. Digital Tools for the Protection of Intellectual Property Rights: a Case Study of Blockchain and Artificial Intelligence. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2023. Issue 3(61). P. 479–498. DOI: 10.17072/1995-4190-2023-61-479-498 (In Russ.).

20. Luo L. Application of Blockchain Technology in Intellectual Property Protection. *Mathematical Problems in Engineering*. 2022. DOI: 10.1155/2022/4641559.

21. Guo R. Research on the protection of enterprise digital intellectual property rights. *Science of Law Journal*. 2024. Vol. 3, Num. 2. P. 153–159. DOI: 10.23977/law.2024.030223.

22. Vorochевич A.S. *The Scope of Exclusive Rights, Limits on Their Exercise, and Protection*. Moscow: Statut Publ., 2022. 596 p. (In Russ.).

23. Ponomareva D., Maggs P., Barabashev A. Copyright and protection of scientific results: the experience of Russia, the United States and the countries of the Near East. *Journal of Physics: Conference Series*. 2020. P. 1685. DOI: 10.1088/1742-6596/1685/1/012018.

24. Rzabay A., Bekezhanov D., Surkova S. Protection of intellectual rights in the era of artificial intelligence: experience of Kazakhstan and world practice. *Eurasian Scientific Journal of Law*. 2025. DOI: 10.46914/2959-4197-2025-1-3-133-143.

25. Voynikanis E.A. Specialized Intellectual Property Courts and Science: On the Phenomenon of the Intellectual Property Court's Scientific Ecosystem. *Zhurnal Suda po intellektual'ny'm pravam* = Journal of the Intellectual Property Court. 2023. No. 2(40). P. 5–7. DOI: 10.58741/23134852_2023_2_101 (In Russ.).

Статья поступила 22.04.2026, принята к публикации 05.05.2026

© Ниязова М.В., Тарасова Л.Д., 2026

ПАТЕНТНОЕ ПРАВО

Научная статья

УДК 341

Зарубежное патентование изобретений с учетом нового международного Договора ВОИС об интеллектуальной собственности, генетических ресурсах и традиционных знаниях, связанных с генетическими ресурсами

Дмитрий Витальевич Мурзин

Уральский государственный юридический университет имени
В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия

Профессор кафедры гражданского права,

Доктор юридических наук, доцент

d.v.murzin@usla.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0384-4351>

Аннотация. Статья посвящена анализу требования по обязательному раскрытию информации о происхождении генетических ресурсов и традиционных знаний при патентовании изобретений, установленного Договором ВОИС об интеллектуальной собственности, генетических ресурсах и традиционных знаниях, связанных

с генетическими ресурсами. Раскрыты практические сложности реализации этого требования в рамках положений Договора о патентной кооперации. В то же время показано, что требования Договора ВОИС о генетических ресурсах находятся в русле глобальных тенденций правового регулирования современных отношений в сфере интеллектуальной собственности. Высказано мнение, что Договор ВОИС о генетических ресурсах направлен на признание некоего неимущественного права традиционных общностей в патентной сфере, что должно облегчить теоретическое обоснование в будущем имущественных прав таких традиционных общностей в отношении патентов, основывающихся на генетических ресурсах и традиционных знаниях, связанных с генетическими ресурсами.

Ключевые слова: генетические ресурсы, патент, интеллектуальные права, международный договор.

Для цитирования: Мурзин Д.В. Зарубежное патентование изобретений с учетом нового международного Договора ВОИС об интеллектуальной собственности, генетических ресурсах и традиционных знаниях, связанных с генетическими ресурсами // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2026. – № 2. – С. 51–61.

Original article

Foreign patenting of inventions based on the new WIPO international treaty on intellectual property of genetic resources and traditional knowledge related to genetic resources

Dmitry V. Murzin

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg,
Russia

Professor of the Department of Civil Law,

Doctor of Law, Associate Professor

d.v.murzin@usla.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0384-4351>

Abstract. The article is devoted to the analysis of the established WIPO Treaty on Intellectual Property, Genetic Resources and Traditional

Knowledge related to Genetic resources, the requirement for mandatory disclosure of information on the origin of genetic resources and traditional knowledge when patenting inventions. The practical difficulties of implementing this requirement within the framework of the provisions of the Patent Cooperation Agreement are revealed. At the same time, it is shown that the requirements of the WIPO Treaty on Genetic Resources are in line with global trends in the legal regulation of modern relations in the field of intellectual property. The view was expressed that the WIPO Treaty on Genetic Resources is aimed at recognizing a certain non-property right of traditional communities in the patent field, which should facilitate the theoretical justification in the future of the property rights of such traditional communities in respect of patents based on genetic resources and traditional knowledge related to genetic resources.

Key words: genetic resources, patent, intellectual property rights, international agreement.

For citation: Murzin D.V. Foreign patenting of inventions based on the new WIPO international treaty on intellectual property of genetic resources and traditional knowledge related to genetic resources // Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2026. No. 2. P. 51–61.

Одним из значимых событий 2024 г. в области международного сотрудничества государств в сфере интеллектуальной собственности явилось принятие государствами – членами Всемирной организации интеллектуальной собственности (далее – ВОИС) Договора ВОИС об интеллектуальной собственности, генетических ресурсах и традиционных знаниях, связанных с генетическими ресурсами¹ (далее – Договор о генетических ресурсах). Статья 3 Договора о генетических ресурсах устанавливает требование обязательного раскрытия информации о происхождении генетических ресурсов и традиционных знаний при патентовании изобретений. Вместе с тем на патентные ведомства не возлагается обязательство проверять подлинность предоставленной заявителем информации.

Ни одно из существующих международных соглашений, которые обеспечивают возможность получения зарубежных патентов, не содержит положений, устанавливающих требование раскрытия в документах заявки информации о происхождении генетических ресурсов

¹ Договор ВОИС об интеллектуальной собственности, генетических ресурсах и традиционных знаниях, связанных с генетическими ресурсами. URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/tk/en/gratk_dc/gratk_dc_7.pdf (дата обращения: 25.04.2026).

и традиционных знаний, хотя дискуссии как на площадке ВОИС², так и в российских научных публикациях ведутся достаточно давно, в частности, можно упомянуть авторов М.А. Серову [1] и Л.Н. Симонову [2].

Из тех государств, что подписали Договор о генетических ресурсах, 39 стран являются участниками Договора о патентной кооперации (далее – РСТ)³. Согласно ст. 27(1) РСТ, национальные законодательства не могут предъявлять иных или дополнительных требований к форме или содержанию международной заявки, кроме тех, которые предусмотрены РСТ и Инструкцией к РСТ⁴. Принципиальный вопрос имплементации в Инструкцию к РСТ положений Договора о генетических ресурсах, связанных с раскрытием в международных заявках информации о генетических ресурсах и традиционных знаниях, был вынесен на повестку дня восемнадцатой сессии Рабочей группы РСТ⁵ (18–20 февраля 2025 г.), обсуждение проходило на основе документа РСТ/WG/18/16. Однако по данному пункту повестки Рабочая группа РСТ не достигла консенсуса в дни проведения восемнадцатой сессии в 2025 г.

В поддержку пункта повестки дня, связанного с Договором о генетических ресурсах, в рамках восемнадцатой сессии Рабочей группы РСТ выступили в основном делегации развивающихся стран. Делегация Европейского патентного ведомства высказала готовность обсуждать необходимые поправки в Инструкцию к РСТ.

По мнению членов делегации Японии, на данный момент нет ясных перспектив по поводу даты вступления Договора о генетических ресурсах в силу, соответственно, неясно, каким образом договаривающиеся стороны РСТ будут выполнять его положения. О преждевременности внесения изменений в Инструкцию к РСТ высказались также делегации европейских стран, Канады и Южной Кореи.

В Японской ассоциации патентных поверенных (JПАА) отметили, что внесение изменений в РСТ приведет к значительному увеличению нагрузки на заявителей и к увеличению сроков процедуры регистрации изобретений в национальных ведомствах и что они не видят

² Требования в отношении патентного раскрытия информации о генетических ресурсах и традиционных знаниях. Основные вопросы. 2-е изд. Женева: ВОИС, 2020. С. 8. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_1047_19.pdf (дата обращения: 23.05.2026).

³ Договор о патентной кооперации от 19.06.1970 (изм. 03.10.2001). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/textdetails/12635> (дата обращения: 25.05.2026).

⁴ Инструкция к Договору о патентной кооперации, в редакции от 01.07.2025. URL: <https://www.wipo.int/documents/d/pct-system/docs-ru-texts-pct-regs.pdf> (дата обращения: 21.05.2026).

⁵ Рабочая группа РСТ. Восемнадцатая сессия. URL: https://www.wipo.int/meetings/ru/details.jsp?meeting_id=86208 (дата обращения: 24.05.2026).

необходимости внедрять в РСТ требование о раскрытии происхождения генетических ресурсов в международных заявках.

Закрытие восемнадцатой сессии Рабочей группы РСТ было перенесено и, несмотря на разногласия, состоялось 2 февраля 2026 г. Однако проект повестки дня девятнадцатой сессии Рабочей группы РСТ так и не был принят по причине отсутствия консенсуса в части сохранения в ней вопроса, связанного с гармонизацией РСТ и Договора о генетических ресурсах. Соответственно, обсуждение документов, подготовленных для рассмотрения Рабочей группой РСТ, не было начато.

Сложившаяся ситуация беспрецедентна для деятельности Рабочей группы РСТ и свидетельствует о значительных разногласиях среди договаривающихся государств, а также о том, что вопрос о гармонизации положений РСТ и Договора о генетических ресурсах в настоящее время не имеет перспектив разрешения.

Тем не менее появление в Договоре о генетических ресурсах положений в части раскрытия информации о происхождении генетических ресурсов и традиционных знаний при патентовании изобретений нельзя признать случайностью. В этом вопросе сошлись воедино несколько глобальных тенденций правового регулирования современных отношений в сфере интеллектуальной собственности.

1. Повсеместное расширение правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности.

В современных реалиях неуклонно происходит расширение сферы правовой охраны в отношении результатов интеллектуальной деятельности (далее – РИД) за счет наделения правами новых групп субъектов.

Так, в авторском праве утрачивается жесткая привязка правовой охраны произведения к его оригинальности как проявлению творческого уровня, необходимого для создания объекта авторского права. И пусть отказа от использования категории «творчество» не происходит, но выражается несогласие с устоявшейся терминологией, когда под творчеством понимается чуть ли не гениальность, а понятие «творческие результаты» представляется слишком узким для описания всех результатов умственной деятельности. Соответственно, исследователи отмечают устойчивую тенденцию к расширению границ самого понятия творчества.

В.О. Калятин одной из текущих тенденций развития регулирования в сфере интеллектуальной собственности называет «изменение характера создания результатов интеллектуальной деятельности, что выражается в сокращении творческого участия человека в создании объекта» [3]. Соответственно, авторскими правами наделяется все более широкий круг субъектов, вклад которых в создание произведения ограничивается чисто техническими или организационными усилиями.

Постепенно музеи по всему миру стали обладать особыми квазиинтеллектуальными правами на использование изображений произведений искусства, находящихся в их коллекциях (при том, что эти произведения или не имеют авторов, или исключительное право авторов закончилось столетия назад), – и с этим приходится считаться [4].

Показательна ситуация с правовой охраной наименований мест происхождения товаров (географических указаний). Мировая практика признает, что даже если принятое обозначение товара не содержит наименования географического объекта, но всем известно, что этот товар изначально происходит с определенной территории, то к такому обозначению (например, сыр «Моцарелла») могут применяться положения о наименовании мест происхождения товаров. Норма такого содержания в период с 2010 г. по 2019 г. прямо содержалась в ст. 1516 ГК РФ.

В патентном праве расширение правовой охраны приобретает причудливые формы, свидетельством чему и является Договор о генетических ресурсах, пытающийся наделить неким квазиинтеллектуальным правом на изобретения традиционных общностей (коренных народов или местных общин), поделившихся с миром традиционными знаниями, связанными с генетическими ресурсами. Эта информация должна быть раскрыта в патентной заявке, связанной с генетическими ресурсами (ст. 3.2 Договора о генетических ресурсах). Пока что такое квазиинтеллектуальное право следует трактовать как право неимущественное, что на самом деле является первым шагом к признанию имущественных прав традиционных общностей.

2. Имущественные требования развивающихся стран в сфере патентного права в отношении объектов живой природы.

На категории юридической науки оказывают влияние общественно-политические изменения. Западной традиции права присуще понимание общественного прогресса как неуклонного расширения свобод, наделения правами все больших групп общества, особенно групп обделенных (так появляется, например, *indigenous intellectual property* – «коллективная интеллектуальная собственность коренных народов» [5]).

Как отмечается в литературе, при работе над Договором о генетических ресурсах необходимо было решить проблему совмещения интересов научных исследователей, патентующих свои изобретения, и коренных народов, обладающих богатым биоразнообразием [6]. При этом «многие развивающиеся страны считают, что режим интеллектуальной собственности в отношении объектов живой природы был включен в глобальную повестку развитыми странами только тогда, когда значительные генетические ресурсы уже были бесплатно изъяты ими из стран развивающихся (как правило, тропических, в которых находятся основные генетические ресурсы)» [7]. Договор о генетических ресурсах не является первым актом, который

поднимает проблему совмещения интересов в данной сфере. Еще в 1992 г. была принята Конвенция о биологическом разнообразии⁶, в которой Россия участвует с 1995 г. Статья 16 Конвенции («Доступ к технологии и ее передача») обязывает договаривающиеся стороны «принимать надлежащие законодательные, административные или политические меры, чтобы частный сектор облегчал доступ к технологиям... совместную разработку и передачу этих технологий» в развивающиеся страны. Большой конкретикой отличается Нагойский протокол регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения к Конвенции о биологическом разнообразии 2014 г.⁷ (далее – Нагойский протокол; Россия данный протокол не подписывала).

Статья 6 Нагойского протокола предусматривает, что «доступ к генетическим ресурсам для их использования регулируется на основе предварительного обоснованного согласия Стороны... которая является страной происхождения таких ресурсов». Предполагается «совместное владение соответствующими правами интеллектуальной собственности» (подп. 1. j ст. 10) и «совместное владение патентами и другими соответствующими формами прав интеллектуальной собственности» (подп. 2. q ст. 10). Это уже прямая претензия страны происхождения генетических ресурсов на имущество – исключительное – право патентообладателя. В литературе отмечается: «Ясно, что сильные мира сего (обладатели патентов на геномные конструкции, построенные на биологическом материале, взятом из природных источников на территории самых разных государств) на это пойти не могут – это буквально обрушило бы им бизнес-план на ближайшее столетие. Отчасти, вероятно, этим объясняется и подчеркнутая сдержанность в отношении подписания Нагойского протокола со стороны государств, не желающих вступать в конфликт с основными бенефициарами сложившегося порядка» [8].

Договор о генетических ресурсах, указывая на неимущественные патентные права традиционных общностей, тем самым вводит требование соблюдению этих прав в официальную плоскость – отражение информации о месте происхождения генетических ресурсов в патентной заявке. Формальное признание неимущественного права служит основой для признания и исключительного права на патент. В этом отношении Договор о генетических ресурсах демонстрирует солидарность с идеями Нагойского протокола.

3. Связь права на результат генетических исследований с материальным носителем.

⁶ Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml (дата обращения: 25.05.2026).

⁷ Там же.

Помимо политико-правовых причин появления норм, подобных тем, что содержатся в Договоре о генетических ресурсах и в Нагойском протоколе, нельзя отрицать и существования чисто юридической причины – проблемы зависимости запатентованных решений от прав на материальные носители генетической информации.

Особенностью патентных изысканий в сфере генетики является то, что, с одной стороны, генетическую информацию возможно получить только путем извлечения ее из материального носителя (генетического материала), а с другой стороны, уже извлеченная из материального носителя информация существует автономно от материального носителя – и именно она является объектом патентования. На материальный носитель, как и на всякую вещь, возможно установление права собственности. Было бы разумно предположить, что правом на генетическую информацию, извлеченную из генетического материала, обладает собственник генетического материала или законный владелец генетического материала, которому собственник передал генетический материал в целях извлечения генетической информации. Права на патентуемые РИД (селекционное достижение или изобретение), полученные собственником генетического материала, должны принадлежать собственнику этого материала – это очевидно.

Но что если потенциально охраняемые РИД получены пользователем, которому генетический материал был предоставлен собственником во временное владение с целью проведения исследований? Возможно, в этом случае права на РИД должны возникать у пользователя (с предоставлением лицензии собственнику) [9].

В условиях правового вакуума интерес представляет практика владельцев коллекций генетического материала. Так, в коллекциях Федерального исследовательского центра «Всероссийский институт генетических ресурсов растений имени Н.И. Вавилова» содержится генетический материал, недоступный российским исследователям из других источников, например староместные сорта растений (они возделывались до химизации сельского хозяйства). Опираясь на принцип свободы договора (ст. 421 ГК РФ), владелец коллекции при предоставлении сторонним исследователям образцов генетического материала для генотипирования и фенотипирования оговаривает, что исключительное право на все полученные в ходе исследований охраноспособные РИД принадлежит собственнику и пользователю-исследователю совместно. Нельзя не признать сходство этой модели с той моделью, что предлагает Нагойский протокол.

Конечно, право собственности народов (народности) – конструкция умозрительная, в отличие от субъективного права собственности признанных субъектов гражданского права. Тем не менее какие-то правовые конструкты типа всенародного достояния на землю и недра прочно

вошли в общественное сознание и нельзя исключить их возврата и в юридическую действительность, чему могут способствовать положения Договора о генетических ресурсах.

В настоящее время отсутствуют практические правовые механизмы для обеспечения «доступа и распределения выгод», о чем упоминается в анализе ВОИС⁸, отсутствуют четкие принципы определения субъектного состава участников отношений, а также имеется целый комплекс правовых проблем, которые упоминаются в современных публикациях российских авторов А.Н. Слепцова [10], А.В. Гурко [11], Н.В. Бузовой [12] и др. Отсутствуют четкие принципы для проверки раскрытия сведений о генетических ресурсах и традиционных знаниях в документах заявки в рамках оценки патентоспособности в ходе экспертизы по существу заявок на изобретения, что может быть связано с необходимостью введения нового самостоятельного критерия патентоспособности.

Российская Федерация пока не является стороной Договора о генетических ресурсах, в российском законодательстве отсутствует прямое требование раскрытия информации о происхождении генетических ресурсов и традиционных знаний. Однако некоторые государства уже имеют в своем законодательстве нормы, связанные с требованием раскрытия информации о генетических ресурсах и традиционных знаниях в патентных заявках. Например, несмотря на то, что КНР также пока не является участницей Договора о генетических ресурсах, Патентный закон КНР от 12.03.1984 (с изменениями от 17.10.2020)⁹ содержит предписание в отношении заявок, основанных на генетических ресурсах: заявитель должен указать первоисточник генетических ресурсов в документах заявки или указать причины, по которым этого сделать невозможно (ст. 26 Патентного закона КНР). Необходимо отметить, что данное требование распространяется на все заявки, в том числе на международные заявки, перешедшие на национальную фазу в КНР, причем последствием невыполнения заявителем в ходе экспертизы данного требования может быть признание заявки отозванной.

Таким образом, и российским правоприменителям следует на теоретическом и практическом уровне быть готовыми к решению тех вопросов, которые введены в повестку дня Договором о генетических ресурсах.

⁸ Требования в отношении патентного раскрытия информации о генетических ресурсах и традиционных знаниях. Основные вопросы. 2-е изд. Женева: ВОИС. 2020. С. 13. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_1047_19.pdf (дата обращения: 25.04.2026).

⁹ Патентный закон КНР от 12.03.1984 (с изм. от 17.10.2020). URL: https://english.cnipa.gov.cn/art/2022/8/25/art_3039_1.html (дата обращения: 25.03.2026).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Серова М.А. Охрана генетических ресурсов: менять ли патентное законодательство? / М.А. Серова // Патенты и лицензии. – 2008. – №10. – С. 22–26.
2. Симонова Л.Н. Традиционные знания: поиски путей охраны / Л.Н. Симонова, Н.В. Бузова // Патенты и лицензии. – 2008. – №8. – С. 46–51.
3. Калятин В.О. Законодательство об интеллектуальной собственности: от прошлого к будущему / В.О. Калятин // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2024. – Сентябрь. №3 (45). – С. 11–17.
4. Лисаченко А.В. «Музейная оговорка» как повод задуматься: кто владеет культурой? / А.В. Лисаченко // Российский юридический журнал. – 2025. – №4. – С. 61–67.
5. Андреева Г.Н. Проблемы защиты коллективной интеллектуальной собственности коренных народов (Обзор) / Г.Н. Андреева // Право будущего: Интеллектуальная собственность, инновации, Интернет. – 2018. – №1. – С. 173–189.
6. Шебанова Н.А. Охрана культурного достояния коренных народов на принципах интеллектуальной собственности / Н.А. Шебанова // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2026. – №1. – С. 4–15.
7. Иванов А.Ю. Рынок семян: глобализация, конкуренция и интеллектуальная собственность / А.Ю. Иванов, Д.Ю. Каталевский, Я. Лианос // Закон. – 2016. – №5. – С. 49–66.
8. Правовое осмысление генома: новая реальность и вызовы будущего: монография / под ред. Л.Н. Берг, А.В. Лисаченко. – Москва: РУСАЙН, 2025. – 378 с.
9. Мурзин Д.В. Генетический материал как объект гражданских прав: вещь или информация? / Д.В. Мурзин // Российское право: образование, практика, наука. – 2024. – №3. – С. 11–18.
10. Слепцов А.Н. Защита самобытной культуры и традиционных знаний коренных малочисленных народов Севера в контексте права интеллектуальной собственности / А.Н. Слепцов, И.А. Слепцова // Вестник Сургутского государственного университета. – 2021. – №4(34). – С. 88–95.
11. Гурко А.В. Традиционные знания, выражения культуры и генетические ресурсы: перспективы установления правовой охраны / А.В. Гурко // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2017. – №8. – С. 7–16.
12. Бузова Н.В. Традиционные знания и общественное достояние в контексте права интеллектуальной собственности / Н.В. Бузова, Л.Н. Симонова // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2023. – №3. – С. 52–61.

References

1. Serova M.A. Protection of genetic resources: should patent legislation be changed? *Patenty i litsenzii = Patents and Licenses*. 2008. No. 10. P. 22–26 (In Russ.).

2. Simonova L.N., Buzova N.V. Traditional knowledge: searching for ways of protection. *Patenty i litsenzii = Patents and Licenses*. 2008. No. 8. P. 46–51 (In Russ.).
3. Kalyatin V.O. Intellectual property legislation: from the past to the future. *Zhurnal Suda po intellektual'nyim pravam = Journal of the Intellectual Property Court*. 2024. No. 3(45). P. 11–17 (In Russ.).
4. Lisachenko A.V. Museum clause as a reason to think: who owns culture? *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal = Russian Juridical Journal*. 2025. No. 4. P. 61–67 (In Russ.).
5. Andreeva G.N. Problems of protecting the collective intellectual property of indigenous peoples (Review). *Pravo budushchego: Intellektual'naya sobstvennost', innovatsii, Internet = Law of the Future: Intellectual Property, Innovations, Internet*. 2018. No. 1. P. 173–189 (In Russ.).
6. Shebanova N.A. Protection of the cultural heritage of indigenous peoples based on intellectual property principles. *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava = Intellectual Property. Copyright and Related Rights*. 2026. No. 1. P. 4–15 (In Russ.).
7. Ivanov A.Yu., Katalevskiy D.Yu., Lianos Ya. Seed market: globalization, competition and intellectual property. *Zakon = Law*. 2016. No. 5. P. 49–66 (In Russ.).
8. *Pravovoe osmyslenie genoma: novaya real'nost' i vyzovy budushchego = Legal comprehension of the genome: new reality and future challenges: monografiya* / ed. L.N. Berg, A.V. Lisachenko. – Moscow: RUSAYN Publ., 2025. 378 p. (In Russ.).
9. Murzin D.V. Genetic material as an object of civil rights: a thing or information? *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka = Russian Law: Education, Practice, Science*. 2024. No. 3. P. 11–18 (In Russ.).
10. Sleptsov A.N., Sleptsova I.A. Protection of the distinctive culture and traditional knowledge of indigenous peoples of the North in the context of intellectual property law. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Surgut State University*. 2021. No. 4(34). P. 88–95 (In Russ.).
11. Gurko A.V. Traditional knowledge, cultural expressions and genetic resources: prospects for establishing legal protection / A.V. Gurko. *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava = Intellectual Property. Copyright and Related Rights*. 2017. No. 8. P. 7–16 (In Russ.).
12. Buzova N.V., Simonova L.N. Traditional knowledge and public domain in the context of intellectual property law. *Patenty i litsenzii. Intellektual'nye prava = Patents and Licenses. Intellectual Rights*. 2023. No. 3. P. 52–61 (In Russ.).

Статья поступила 26.05.2026, принята к публикации 09.06.2026

© Мурзин Д.В., 2026

НАУЧНАЯ ШКОЛА

Научная статья

УДК 347

Вопросы правовой охраны служебных секретов производства (ноу-хау) с применением DLP-систем

Владислав Сергеевич Ващенко

Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Москва, Россия

Аспирант

vladser2001@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0003-5175-3838>

Аннотация. В статье исследуются правовые аспекты охраны служебных секретов производства (ноу-хау) посредством использования DLP-систем (Data Loss Prevention – система предотвращения утечек). DLP-система помогает нивелировать возникающие факты нарушения режима конфиденциальной информации и ноу-хау. Рассматриваются особенности правового режима ноу-хау как объекта интеллектуальных прав, а также анализируются проблемы обеспечения конфиденциальности информации в условиях цифровизации трудовых и гражданско-правовых отношений. Особое внимание уделяется вопросам законности применения DLP-систем, соблюдения права работников и контрагентов на неприкос-

новенность частной жизни, а также требованиям законодательства о персональных данных. В работе обосновывается необходимость применения комплексного подхода при внедрении DLP-систем, предполагающего использование не только технических механизмов защиты конфиденциальной информации, но и формирование внутреннего локального регулирования, определяющего порядок осуществления мониторинга, хранения и обработки данных внутри организации. Делается вывод о том, что использование DLP-систем способно повысить уровень защиты служебных секретов производства при условии соблюдения принципов соразмерности, законности и минимизации вмешательства в частную жизнь субъектов.

Ключевые слова: служебный секрет производства, ноу-хау, DLP-системы, гражданско-правовая охрана, коммерческая тайна, персональные данные, правовой режим информации, средства защиты информации.

Для цитирования: Ващенко В.С. Вопросы правовой охраны служебных секретов производства (ноу-хау) с применением DLP-систем // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2026. – № 2. – С. 62–70.

Original article

Issues of legal protection of official production secrets (know-how) using DLP systems

Vladislav S. Vashchenko

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

Postgraduate Student

vladser2001@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0003-5175-3838>

Abstract. This article examines the legal aspects of protecting proprietary trade secrets (know-how) through the use of DLP (Data Loss Prevention) systems. DLP systems help mitigate potential breaches of confidential information and know-how. The article examines the legal status of know-how as an object of intellectual property rights, and analyzes the challenges of ensuring information confidentiality in the context of the digitalization of labor and civil law relations. Particular attention is paid to the legality of DLP systems, compliance with the privacy rights of employees and contractors, and

the requirements of personal data legislation. The article substantiates the need for an integrated approach to DLP system implementation, which involves not only the use of technical mechanisms for protecting confidential information but also the development of internal local regulations that determine the procedures for monitoring, storing, and processing data within the organization. It is concluded that the use of DLP systems can increase the level of protection of official production secrets, provided that the principles of proportionality, legality, and minimization of interference in the private life of subjects are observed.

Key words: official production secret, know-how, DLP systems, civil law protection, commercial secret, personal data, legal regime of information, means of information protection.

For citation: Vaschenko V.S. Issues of legal protection of official production secrets (know-how) using DLP systems // Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2026. No. 2. P. 62–70.

В условиях цифровизации предпринимательской деятельности коммерческая информация постепенно приобретает значение самостоятельного экономического актива. Вследствие этого возрастает значимость правовой охраны служебных секретов производства, которые в российском законодательстве рассматриваются как секреты производства (ноу-хау).

Вместе с тем активное внедрение систем электронного документооборота (далее – ЭДО), удаленных форм занятости сотрудников и контрагентов и использование облачных сервисов в трудовой функции привело к существенному увеличению рисков утечки конфиденциальной информации, в том числе служебных секретов производства (ноу-хау). На практике подобные сведения могут быть незаконно переданы посредством электронной почты, которая принадлежит лично сотруднику, внешних носителей, мессенджеров, социальных сетей либо сетевых сервисов хранения данных. Именно поэтому организации все чаще используют DLP-системы, предназначенные для мониторинга и предотвращения утечек информации.

Следует отметить, что применение DLP-систем, внедрение подобных программных решений требует комплексного правового подхода, поскольку их использование потенциально может затрагивать конституционные права работников и контрагентов.

В связи с этим представляется необходимым исследовать особенности правовой охраны служебных секретов производства посредством DLP-систем, определить существующие правовые риски и предложить

возможные механизмы совершенствования локального и нормативного регулирования.

1. Правовая природа служебных секретов производства (ноу-хау).

В соответствии со ст. 1465 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) секретом производства (ноу-хау) признаются сведения любого характера, включая результаты интеллектуальной деятельности (далее – РИД) в научно-технической сфере, а также сведения о способах осуществления профессиональной деятельности, которые обладают действительной или потенциальной коммерческой ценностью вследствие неизвестности их третьим лицам. В соответствии со ст. 1470 ГК РФ секрет производства признается служебным, если он создан работником в процессе выполнения возложенных на него трудовых обязанностей либо в рамках отдельного задания работодателя. При этом предполагается, что соответствующий результат интеллектуальной деятельности создается самим работником лично, без передачи таких обязанностей третьим лицам.

Следует учитывать, что отдельное задание работодателя, в рамках которого создается служебный секрет производства, для обеспечения правовой определенности и последующего подтверждения характера правоотношений целесообразно оформлять в письменной форме. Подобный подход позволяет минимизировать возможные споры относительно принадлежности исключительных прав на созданный РИД и подтвердить связь между созданием секрета производства и выполнением служебных функций работника. Это представляется необходимым, чтобы определить взаимоотношения особых субъектов и разграничить действие права трудового и гражданского. Поскольку в рамках трудовых отношений работник может создавать РИД как в пределах своей должностной функции, так и за ее рамками, используя имущество, программные средства или иные ресурсы работодателя. Правовой режим соответствующего результата зависит от того, в связи с чем он был создан и входило ли его создание в круг трудовых обязанностей работника¹.

Если секрет производства создается в процессе исполнения трудовой функции, исключительное право на него принадлежит работодателю, но когда разработка возникает вне пределов должностных обязанностей, право на нее сохраняется за работником, за исключением случаев, когда результат был получен по отдельному заданию работодателя, даже если такое задание прямо не было закреплено в должностной инструкции. Тем самым правовой режим служебного секрета производства предполагает закрепление исключительного права за работодателем непосредственно в силу закона.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 25.12.2006. №52 (1 ч.). Ст. 5496.

Как отмечается учеными, в отличие от регулирования служебных произведений, изобретений и полезных моделей, где законодатель допускает возможность изменения принадлежности исключительных прав по соглашению сторон, норма о принадлежности служебного секрета производства работодателю носит императивный характер. Следовательно, стороны трудового договора не вправе изменить данное правило своим соглашением. Кроме того, тот факт, что работодатель в дальнейшем не использует созданный служебный секрет производства, не влечет переход исключительного права к работнику и не создает для последнего оснований требовать признания за ним соответствующих прав на данный объект.

С учетом указанной особенности правовая охрана ноу-хау непосредственно связана с соблюдением режима конфиденциальности, поскольку сохранение закрытого характера таких сведений выступает обязательным условием предоставления им правовой защиты. Иными словами, утрата контроля над информацией либо ее разглашение могут привести к прекращению правовой охраны объекта [1].

Служебный характер секрета производства определяется тем, что соответствующие сведения формируются работником в рамках исполнения трудовой функции либо в связи с выполнением поручения работодателя. Именно поэтому для работодателя приобретает особое значение создание эффективной системы защиты конфиденциальной информации, позволяющей поддерживать установленный режим охраны служебного секрета производства (ноу-хау) [2; 3].

На практике к служебным секретам производства могут относиться: 1) исходные коды программного обеспечения; 2) техническая документация; 3) внутренние алгоритмы бизнес-процессов; 4) производственные технологии; 5) клиентские базы данных; 6) финансовые модели; 7) результаты научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее – НИОКР).

Учитывая выявленную тенденцию, в условиях цифровой среды значительная часть соответствующих сведений хранится и передается в электронной форме, в том числе через системы ЭДО. Становится целесообразным применение специальных программно-технических средств защиты информации.

2. DLP-системы как инструмент защиты служебных секретов производства (ноу-хау).

Несмотря на отсутствие легального определения DLP-систем в российском законодательстве, подобные программные решения получили широкое распространение в сфере корпоративной информационной безопасности².

² InfoWatch Принцип работы DLP-системы. URL: <https://www.infowatch.ru/faq/printsip-raboty-dlp-sistemy> (дата обращения: 08.05.2026).

По мнению Д.М. Тасмагамбетовой, «DLP-системы – это способ, позволяющий не допустить утечку информации механическим средством. Примерами являются отмена отправки письма на почту или запись данных на внешний носитель» [4].

Программные и программно-аппаратные средства DLP-систем, применяемые для предотвращения утечек данных, в том числе выступают одним из ключевых элементов режима конфиденциальности. Такие решения позволяют снизить риск разглашения конфиденциальной информации и обеспечить более надежную защиту корпоративных данных. В этом смысле DLP-системы выступают базовым инструментом охраны конфиденциальной информации, включая служебные секреты производства (ноу-хау) [2].

DLP-системы позволяют осуществлять контроль корпоративной электронной почты и сетевого трафика; анализ содержимого файлов; мониторинг действий пользователей (техническое видоизменение файлов); фиксацию попыток копирования информации; блокирование передачи конфиденциальных сведений (в том числе и служебных секретов производства); контроль за использованием съемных носителей (конечные носители).

DLP-системы также позволяют выявлять попытки незаконного копирования технологической документации, передачи клиентских баз конкурентам либо вывода конфиденциальных файлов за пределы корпоративной инфраструктуры.

В иностранной литературе указывается на необходимость внедрения двухуровневой стратегии DLP-систем. Речь идет о предотвращении передачи данных через USB-устройства и настройке почтовой системы таким образом, чтобы не допустить отправки писем с запрещенным содержимым. Благодаря стратегиям предотвращения можно избежать нарушений и выполнить требования различных законов и правил, а также улучшить внутреннюю защиту компаний и организаций [5].

Популярная концепция DLP различает «данные в состоянии покоя» и «данные в движении» для применения технических средств контроля. «Данные в состоянии покоя» связаны с контролем доступа и шифрованием. Обычно они находятся в хранилище, а не используются непрерывно. Безопасность «данных в движении» относится к защите потоков данных в сети (например, шифрование канала передачи). Иногда вводят термины «используемые данные» или «данные на конечных точках». На конечных точках утечка технически не контролируется (например, принтеры, ноутбуки, мобильные телефоны). Используемые данные относятся к данным, которые собираются, обрабатываются, анализируются или подвергаются другим действиям, связанным с активным использованием информации [6].

Вместе с тем необходимо учитывать, что чрезмерное использование DLP-систем может привести к нарушению конституционных прав работников, поскольку фактически затрагивает сферу их частной жизни. С учетом положений ст. 23 Конституции Российской Федерации работодатель не вправе осуществлять бесконтрольный мониторинг личной информации работников.

3. Локальное регулирование использования DLP-систем.

Представляется, что эффективная правовая защита служебных секретов производства невозможна без разработки детализированных локальных нормативно-правовых актов.

Внутренние локальные нормативные акты организации должны содержать детализированный порядок использования DLP-систем, поскольку именно такие документы позволяют определить правовые пределы мониторинга и обработки информации внутри корпоративной инфраструктуры. В частности, в локальных актах рекомендуется закреплять задачи и основания для внедрения DLP-систем, определять перечень сведений, подлежащих обработке и защите, устанавливать правила контроля корпоративных ресурсов и информационных потоков, а также регламентировать права и обязанности работников при использовании служебных информационных систем.

Кроме того, во внутренних документах целесообразно предусматривать порядок хранения, архивирования и уничтожения информации, полученной посредством DLP-систем, а также закреплять меры ответственности за нарушение режима конфиденциальности и неправомерное обращение с защищаемыми сведениями.

Особое значение имеет соблюдение процедуры уведомления работников. Сотрудники должны быть заблаговременно проинформированы о применении и внедрении в организации систем мониторинга, об объеме контролируемых данных и целях их обработки. Ознакомление с соответствующими локальными актами, как правило, осуществляется под подпись, что в дальнейшем позволяет подтвердить соблюдение работодателем требований законодательства и принципа прозрачности обработки информации. Особое внимание необходимо уделять разграничению рабочей и личной информации. Для этого могут использоваться виртуальные рабочие пространства, корпоративные облачные среды и иные технологии, позволяющие ограничить мониторинг исключительно профессиональной деятельностью.

Следует согласиться с ранее сформулированной позицией, согласно которой внедрение DLP-систем должно сопровождаться не только техническими мерами защиты информации, но и формированием прозрачного механизма внутреннего регулирования [2].

Вместе с тем действующее российское законодательство пока не содержит комплексного регулирования использования DLP-систем,

что создает правовую неопределенность. В частности, отсутствуют специальные нормы, определяющие порядок хранения информации, полученной посредством DLP-систем, а также сроки ее уничтожения. На практике это приводит к тому, что работодатели самостоятельно формируют внутренние механизмы регулирования, которые далеко не всегда обеспечивают необходимый баланс между интересами бизнеса и правами работников.

Представляется, что дальнейшее развитие законодательства в данной сфере должно быть направлено на формирование более детального правового механизма применения DLP-систем. Данный механизм должен включать закрепление принципов допустимого мониторинга, критериев соразмерности обработки информации и дополнительных гарантий защиты персональных данных работников и контрагентов.

Подобный подход позволит обеспечить не только эффективную защиту служебных секретов производства, но и устойчивость правового режима цифровой информационной безопасности в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белозерова Е.О. Ноу-хау как институт защиты коммерческой информации / Е.О. Белозерова // Право и политика. – 2022. – №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nou-hau-kak-institut-zaschity-kommercheskoy-informatsii> (дата обращения: 08.05.2026).
2. Ващенко В.С. Правовое регулирование DLP-систем для защиты коммерческой тайны / В.С. Ващенко; Юриспруденция, закон и порядок: актуальные вопросы теории и практики: сб. ст. VIII Международной науч.-практ. конф., Пенза, 05 мая 2025 г. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2025. – С. 127–132. – EDN IUZTZO.
3. Ващенко В.С. Правовая охрана служебных секретов производства (ноу-хау) с помощью технологий искусственного интеллекта / В.С. Ващенко // IP: теория и практика. – 2026. – №1(13).
4. Тасмагамбетова Д.М. DLP-системы как компонент системы обеспечения безопасности информации / Д.М. Тасмагамбетова // Проблемы повышения эффективности научной работы в оборонно-промышленном комплексе России: материалы V Всероссийской науч.-практ. конф. (г. Знаменск, 24–25 марта 2022 г.).
5. Zaini N.A., Zolkipli M.F. A Survey on Balancing Data Loss Prevention (DLP) with User Privacy in a Data-Driven World // Journal of Innovation and Technology. – 2024. – Т. 2024.
6. Al-Fedaghi S. A conceptual foundation for data loss prevention // International Journal of Digital Content Technology and its Applications. – 2011. – Т. 5, №3. – С. 293–303.

References

1. Belozerova E.O. Know-how as an institute for the protection of commercial information. *Pravo i politika = Law and Politics*. 2022. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nou-hau-kak-institut-zaschity-kommercheskoy-informatsii> (date of access: 08.05.2026) (In Russ.).
2. Vaschenko V.S. Legal regulation of DLP systems for the protection of commercial secrets. *Yurisprudenciya, zakon i poryadok: aktual'nye voprosy teorii i praktiki = Jurisprudence, law and order: current issues of theory and practice: collection of articles from the VIII International scientific and practical conference, Penza, May 5, 2025. Penza: Science and Education (IP Gulyaev G.Yu.). 2025. P. 127–132. EDN IUZTZO* (In Russ.).
3. Vaschenko V.S. Legal protection of official production secrets (know-how) using artificial intelligence technologies. *IP: teoriya i praktika = IP: theory and practice*. 2026. No. 1(13) (In Russ.).
4. Tasmagambetova D.M. DLP systems as a component of the information security system. *Problemy povysheniya effektivnosti nauchnoj raboty v oboronno-promyshlennom komplekse Rossii = Problems of increasing the efficiency of scientific work in the defense-industrial complex of Russia: Proceedings of the V All-Russian scientific and practical conference (Znamensk, March 24 – 25, 2022)* (In Russ.).
5. Zaini N.A., Zolkipli M.F. A Survey on Balancing Data Loss Prevention (DLP) with User Privacy in a Data-Driven World. *Journal of Innovation and Technology*. 2024. Vol. 2024.
6. Al-Fedaghi S. A conceptual foundation for data loss prevention. *International Journal of Digital Content Technology and its Applications*. 2011. Vol. 5, No. 3. P. 293–303.

Статья поступила 15.05.2026, принята к публикации 05.06.2026

© Ващенко В.С., 2026

НАУЧНАЯ ШКОЛА

Научная статья

УДК 347.78

Технические средства защиты авторских прав и пределы законного использования произведений в цифровой среде

Андрей Николаевич Демидов

Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Москва, Россия

Аспирант

andre2000andre@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0001-2102-500>

Аннотация. Статья посвящена гражданско-правовой оценке технических средств защиты авторских прав в цифровой среде и их соотношению с законными пределами использования произведений. Обосновывается, что пункт 4 статьи 1299 Гражданского кодекса РФ следует рассматривать не как декларативную оговорку о балансе интересов, а как специальное законное обязательство правообладателя обеспечить возможность свободного использования произведения в случаях, прямо предусмотренных законом. Особое внимание уделяется критериям технической возможности и отсутствия существенных затрат, которые предлагается

оценивать через функциональный стандарт необходимого объема конкретного законного использования.

Сделан вывод о том, что технические средства защиты не должны превращаться в автономный режим контроля, фактически изменяющий пределы исключительного права.

Ключевые слова: авторское право, технические средства защиты, исключительное право, свободное использование произведения, цифровая среда, п. 4 ст. 1299 ГК РФ, правообладатель, гражданско-правовая защита.

Для цитирования: Демидов А.Н. Технические средства защиты авторских прав и пределы законного использования произведений в цифровой среде // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2026. – № 2. – С. 71–78.

Original article

Technological protection measures of copyright and the limits of lawful use of works in the digital environment

Andrey N. Demidov

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

Postgraduate student

andre2000andre@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0001-2102-500>

Abstract. The article examines the civil-law meaning of technological protection measures in the digital environment and their correlation with lawful limitations on the use of works. It is argued that paragraph 4 of Article 1299 of the Civil Code of the Russian Federation should be understood not as a declarative clause on the balance of interests, but as a special statutory obligation of the rightholder to enable lawful free use of a work in cases expressly provided for by law. Particular attention is paid to the criteria of technical feasibility and absence of substantial costs. These criteria are proposed to be assessed through a functional standard of the necessary scope of a specific lawful use.

The article concludes that technological protection measures should not become an autonomous regime of control that effectively changes the statutory limits of exclusive rights.

Key words: copyright, technological protection measures, exclusive right, free use of a work, digital environment, Article 1299 of the Civil Code of the Russian Federation, rightholder, civil-law protection.

For citation: Demidov A.N. Technological protection measures of copyright and the limits of lawful use of works in the digital environment // Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2026. No. 2. P. 71–78.

Цифровая среда изменила не только способы использования произведений, но и саму архитектуру контроля над ними. Если в традиционном обороте пределы исключительного права определялись прежде всего юридической нормой и последующей оценкой поведения пользователя, то в цифровой среде между правообладателем и пользователем встает техническая инфраструктура доступа. К ней относятся системы управления цифровыми правами, контроль копирования, лицензии с ограниченным функционалом, а также механизмы блокировки извлечения и сохранения контента. Поэтому вопрос о технических средствах защиты авторских прав следует рассматривать не как сугубо технический, а как частноправовой, поскольку он затрагивает пределы осуществления исключительного права, содержание гражданско-правовых притязаний сторон и допустимые способы защиты в отношении их по использованию результатов интеллектуальной деятельности¹.

Правовая основа рассматриваемой проблемы формируется через взаимосвязь нескольких положений части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации. В ст. 1255 ГК РФ авторские права определяются как интеллектуальные права, включающие исключительное право и личные неимущественные правомочия². Статья 1259 ГК РФ закрепляет круг охраняемых объектов, а ст. 1261 ГК РФ специально приравнивает программы для электронных вычислительных машин к литературным произведениям³. Это имеет принципиальное значение, поскольку именно в программном обеспечении и цифровом контенте технические ограничения применяются наиболее последовательно.

Содержание исключительного права раскрывается в ст. 1270 ГК РФ через перечень способов использования произведения⁴. Для цифровой среды особое значение имеют воспроизведение, включая запись в память электронных вычислительных машин, и доведение до всеобщего сведения. Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении Пленума от 23.04.2019 №10 прямо разъяснил, что предоставле-

¹ Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24.02.2021 №118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени».

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая). Ст. 1255.

³ Там же. Статьи 1259, 1261.

⁴ Там же. Ст. 1270.

ние доступа к произведению через запись на электронный носитель с последующим сетевым доступом может одновременно охватывать воспроизведение и доведение до всеобщего сведения⁵. Следовательно, цифровое обращение произведения изначально находится в плоскости исключительного права, а не вне ее.

Одновременно законодатель сохраняет возможность свободного использования произведения. Подпункты 1–3 ст. 1274 ГК РФ допускают использование произведения в информационных, научных, учебных и культурных целях при соблюдении условий, установленных законом⁶. Статья 1278 ГК РФ разрешает свободное воспроизведение произведения для целей правоприменения, дознания, предварительного следствия и судопроизводства в объеме, оправданном этой целью⁷. Иными словами, сама система авторского права изначально строится не как абсолютная монополия правообладателя, а как режим, в котором исключительное право сочетается с законодательно признанными пределами его осуществления.

На этом фоне ст. 1299 ГК РФ занимает двойственное положение. С одной стороны, она закрепляет правовую охрану технических средств защиты авторских прав и запрещает обход таких средств, а также оборот технологий и устройств, предназначенных для обхода⁸. С другой стороны, пункт 4 той же статьи предусматривает, что в случаях, когда использование произведения без согласия автора или иного правообладателя допускается законом, но становится невозможным из-за технических средств защиты, лицо вправе требовать от правообладателя снятия ограничений либо предоставления возможности такого использования при условии технической возможности и отсутствия существенных затрат. Именно здесь проявляется основное противоречие рассматриваемой нормы. Техническая система по своей природе не различает неправомерное использование и использование, разрешенное законом.

В зарубежной литературе проблема соотношения технических средств защиты и законных пределов использования произведения была обозначена достаточно рано. Памела Самуэльсон (P. Samuelson), анализируя регулирование в цифровой экономике, показала, что правовая охрана технических ограничителей способна сформировать самостоятельный регуляторный слой, который в ряде случаев начинает действовать жестче и шире классического авторского права [1]. Дэн Берк

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 №10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. №7. П. 89.

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 №230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. №52 (ч. I). Статьи 5496, 1274.

⁷ Там же. Ст. 1278.

⁸ Там же. Ст. 1299.

и Джули Коем (Dan L. Burk, Julie E. Cohen) в свою очередь связывали сохранение правомерного доступа к произведениям с необходимостью специальной правовой и институциональной инфраструктуры, позволяющей учитывать доктрину добросовестного использования (*fair use*), применяемую в авторском праве США, при функционировании систем управления правами в цифровой среде [2]. Для российской цивилистики эти наблюдения важны не потому, что отечественное право должно механически воспроизводить американские конструкции, а потому, что они позволяют точнее обозначить сам риск: технические средства защиты могут превратиться из инструмента охраны исключительного права в способ фактического изменения его законных пределов.

В российской доктрине этот вопрос рассматривался преимущественно через проблематику охраны технических средств защиты и способов гражданско-правовой защиты. Р.Ш. Курамагомедов сосредоточил внимание на правовой охране технических средств защиты авторских и смежных прав и показал значение международного и сравнительно-правового контекста [3]. А.И. Кузеванов, исследуя соотношение гражданско-правовых средств и способов защиты авторских и смежных прав, создал методологическую основу для квалификации соответствующих притязаний в системе гражданско-правовых способов защиты [4]. Джейн Гинзбург (Jane C. Ginsburg), анализируя section 1201 U.S. Copyright Act, обратила внимание на то, что технологические средства защиты способны смещать акцент с охраны исключительного права на охрану контроля доступа как самостоятельного интереса [5].

Представляется, что п. 4 ст. 1299 ГК РФ следует понимать не как декларативную оговорку о балансе интересов, а как специальное законное обязательство правообладателя. Речь идет не об абстрактном «праве пользователя на доступ», а об адресном притязании, возникающем из закона в строго очерченных случаях. Иначе говоря, если лицо действует в пределах подпунктов 1–3 ст. 1274 или ст. 1278 ГК РФ, но наличие технических средств защиты делает такое использование невозможным, правообладатель должен не просто воздержаться от возражений, а обеспечить саму осуществимость дозволенного законом поведения. В таком прочтении п. 4 ст. 1299 ГК РФ приобретает значение конкретного обязательства правообладателя, возникающего из закона, а не общей декларации о балансе интересов.

Такое толкование позволяет выделить три юридически значимых элемента соответствующего требования. Во-первых, необходимо наличие правового титула: лицо должно доказать, что предполагаемое использование действительно подпадает под предусмотренный законом случай свободного использования. Следовательно, речь не идет о всеобщем праве любого пользователя требовать снятия цифровых ограничений. Во-вторых, должна быть установлена именно невозможность

свободного использования вследствие наличия технических средств защиты, а не просто неудобство доступа или снижение потребительской полезности контента. В-третьих, подлежат оценке техническая возможность предоставления такого использования и отсутствие существенных затрат. Именно последний элемент сегодня представляет наибольшую сложность, поскольку закон не раскрывает, что именно считать существенными затратами и по какому критерию измерять техническую осуществимость.

По нашему мнению, эти критерии нельзя оценивать отвлеченно. Более точным является функциональный стандарт необходимого объема, при котором правообладатель обязан обеспечить не максимум доступа к произведению, а ровно тот объем технической возможности, который объективно необходим для конкретного законного использования. Такой подход соответствует и международной логике. Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву 1996 г. в статье 10 закрепляет трехступенчатый тест для ограничений и исключений, а в статье 11 связывает правовую охрану технологических мер с действиями, которые не разрешены авторами или не допускаются законом⁹. Согласованные заявления к статье 10 этого договора прямо исходят из допустимости сохранения и развития ограничений и исключений в цифровой среде. Следовательно, международная модель не исходит из автономного господства технической блокировки над произведением.

Похожая логика закреплена и в праве Европейского союза. Статья 6(4) Директивы 2001/29/ЕС предусматривает, что бенефициарам отдельных исключений должна быть обеспечена возможность пользоваться ими в объеме, необходимом для реализации соответствующего исключения. Более поздняя Директива (EU) 2019/790 не разрушает эту модель, а подтверждает значимость сохранения работоспособности исключений в технологически насыщенной цифровой среде¹⁰. Именно поэтому п. 4 ст. 1299 Гражданского кодекса Российской Федерации целесообразно толковать не как основание для «обнуления» защиты, а как основание для предоставления функционально достаточного способа реализовать конкретное разрешенное законом использование.

Применительно к цитированию это может выражаться в предоставлении возможности использовать фрагмент произведения в объеме,

⁹ Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву (Женева, 20 декабря 1996 г.). Статьи 10, 11; Согласованные заявления к Договору Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву.

¹⁰ Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market // Official Journal of the European Union. 2019. L 130

оправданном научной или критической целью. В сфере правоприменения речь может идти о получении копии либо части объекта в объеме, необходимом для доказывания.

Предлагаемая интерпретация согласуется также и с линией Верховного Суда Российской Федерации. Толкуя подп. 2 п. 2 ст. 1299 ГК РФ (п. 108 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 №10), суд исходит из функционального критерия назначения технологии: запрет распространяется на устройства и технологии, предлагаемые именно как средства обхода, и не распространяется автоматически на технологии, имеющие самостоятельное коммерческое назначение¹¹. Если в данном сегменте нормы уже используется функциональный подход, то тем более оправдано функциональное толкование п. 4 ст. 1299 ГК РФ, где речь идет не о наказании за обход, а об обеспечении законного использования произведения.

Практическое значение такой позиции проявляется в нескольких типовых ситуациях. Во-первых, в научной и учебной деятельности, где цифровые лицензии и системы управления цифровыми правами (Digital Rights Management, DRM) нередко блокируют даже минимальное извлечение фрагмента, необходимого для цитирования или иллюстрирования. Во-вторых, в сфере правоприменения, когда защита контента техническими средствами препятствует представлению цифрового объекта в суд или иному воспроизведению, оправданному задачами процесса. В-третьих, в спорах о программном обеспечении, где ст. 1299 ГК РФ традиционно воспринимается преимущественно как антипиратская норма.

Таким образом, технические средства защиты авторских прав в цифровой среде не должны рассматриваться как автономный режим контроля. Для гражданско-правовой оценки принципиальное значение имеет вопрос о том, может ли правообладатель посредством технической архитектуры фактически изменить тот объем свободы использования, который уже признан законом. Российское право дает на этот вопрос важный, хотя пока недостаточный ответ в п. 4 ст. 1299 ГК РФ.

Эту норму следует понимать как специальное законное обязательство правообладателя обеспечить возможность свободного использования произведения в объеме, необходимом для конкретной законной цели, при условии технической осуществимости и отсутствия несоизмеримых затрат. Лишь при таком подходе ст. 1299 ГК РФ перестает быть исключительно антипиратским инструментом и превращается в работающий механизм согласования технической защиты и законного использования произведения.

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 №10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». П. 108.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Samuelson P. Intellectual Property and the Digital Economy: Why the Anti-Circumvention Regulations Need to Be Revised // *Berkeley Technology Law Journal*. 1999. Vol. 14, No. 2. P. 519–566.
2. Burk D.L., Cohen J.E. Fair Use Infrastructure for Rights Management Systems // *Harvard Journal of Law & Technology*. 2001. Vol. 15, No. 1. P. 41–83.
3. Курамагомедов Р.Ш. Правовая охрана технических средств защиты авторских и смежных прав: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Р.Ш. Курамагомедов. – Москва, 2012. – 179 с.
4. Кузеванов А.И. Соотношение гражданско-правовых средств и способов защиты авторских и смежных прав: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.И. Кузеванов. – Москва, 2018. – 185 с.
5. Ginsburg J.C. The Pros and Cons of Strengthening Intellectual Property Protection: Technological Protection Measures and Section 1201 of the U.S. Copyright Act // *Information & Communications Technology Law*. 2007. Vol. 16, No. 2. P. 191–213.

References

1. Samuelson P. Intellectual Property and the Digital Economy: Why the Anti-Circumvention Regulations Need to Be Revised. *Berkeley Technology Law Journal*. 1999. Vol. 14, No. 2. P. 519–566.
2. Burk D. L., Cohen J. E. Fair Use Infrastructure for Rights Management Systems. *Harvard Journal of Law & Technology*. 2001. Vol. 15, No. 1. P. 41–83.
3. Kuramagomedov R. Sh. *Pravovaya ohrana tekhnicheskikh sredstv zashchity avtorskikh i smezhnykh prav* Kuramagomedov R.Sh. = *Legal Protection of Technical Means of Copyright and Related Rights Protection*: Dis. ...PhD of Law: 12.00.03. Moscow, 2012. 179 p. (In Russ.).
4. Kuzevanov A.I. *Sootnoshenie grazhdansko-pravovykh sredstv i sposobov zashchity avtorskikh i smezhnykh prav* = *Correlation of Civil Law Means and Methods of Copyright and Related Rights Protection*: dis. ... PhD of Law: 12.00.03. Moscow. 2018. 185 p. (In Russ.).
5. Ginsburg J.C. The Pros and Cons of Strengthening Intellectual Property Protection: Technological Protection Measures and Section 1201 of the U.S. Copyright Act. *Information & Communications Technology Law*. 2007. Vol. 16, No. 2. P. 191–213.

Статья поступила 14.05.2026, принята к публикации 10.06.2026

© Демидов А.Н., 2026

НАУЧНАЯ ШКОЛА

Научная статья

УДК 347.786

Театрально-зрелищное представление как объект авторского права

Иван Александрович Каменнов

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС

при Президенте РФ,

Волгоград, Россия

Аспирант

zotler541@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0003-7075-836X>

Author ID РИНЦ 1283670

Аннотация. В статье рассматривается проблема правовой квалификации театрально-зрелищного представления в системе результатов интеллектуальной деятельности. Анализируются положения гражданского законодательства, а также доктринальные подходы к определению его правовой природы. Обосновывается, что театрально-зрелищное представление обладает признаками сложного объекта, поскольку формируется как результат объединения разнородных произведений и иных результатов творческой деятельности в рамках единого художественного замысла при участии организатора. Вместе с тем раскрывается дискуссия о возможно-

сти признания для него режима самостоятельного произведения и возникновения исключительного права на него как на единый результат. Автор аргументирует позицию, согласно которой театрально-зрелищное представление следует рассматривать не только как сложный объект, но и как произведение, обладающее творческим характером и объективной формой выражения.

Ключевые слова: театрально-зрелищное представление, сложный объект, произведение, авторское право, соавторство, организатор, объективная форма, исполнительская деятельность, режиссер-постановщик, интеллектуальные права.

Для цитирования: Каменнов И.А. Театрально-зрелищное представление как объект авторского права // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2026. – № 2. – С. 79–87.

Original article

Theatrical and spectacle performance as an object of copyright law

Ivan A. Kamennov

Volgograd Institute of Management, Branch of RANEPA
under the President of the Russian Federation, Volgograd, Russia

Postgraduate student

zotler541@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0003-7075-836X>

Author ID 1283670

Abstract. The article examines the problem of the legal qualification of theatrical performances within the system of intellectual property rights. It analyzes the provisions of civil legislation as well as doctrinal approaches to determining their legal nature. It is substantiated that a theatrical performance possesses the features of a complex object, as it is formed through the combination of heterogeneous works and other creative results within a unified artistic concept with the participation of an organizer. At the same time, the paper explores the debate on whether such a performance can be recognized as an independent work and whether exclusive rights may arise in respect of it as a single whole. The author argues that a theatrical performance should be considered not only as a complex object but also as a work possessing a creative character and an objective form of expression.

Key words: theatrical performance, complex object, work, copyright, co-authorship, organizer, objective form, performance rights, stage director, intellectual property rights.

For citation: Kamennov I.A. Theatrical and spectacle performance as an object of copyright law // Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2026. No. 2. P. 79–87.

Споры по поводу правовой квалификации театрально-зрелищного представления ведутся давно. Причина в том, что закон фиксирует лишь отдельные стороны этого объекта права, но не дает ему исчерпывающего толкования. С одной стороны, в ст. 1240 ГК РФ театрально-зрелищное представление названо в числе других объектов из закрытого перечня сложных объектов, а в ст. 1313 ГК РФ оно связывается с исполнительской деятельностью режиссера-постановщика. С другой стороны, общие положения об авторском праве допускают в некоторых случаях гораздо более широкое прочтение.

Прежде всего важно установить, что по своей природе театрально-зрелищное представление, действительно, относится к числу сложных объектов. Именно на это обращает внимание Ю.И. Вахитова, относя его к особой форме объединения нескольких результатов интеллектуальной деятельности в одно художественное целое. Исследователь связывает такую конструкцию с наличием нескольких самостоятельных элементов, а также с фигурой организатора, от которого исходит инициатива создания представления и который принимает на себя сопутствующие, в том числе финансовые, риски. При этом ключевое значение в формировании сложного объекта имеет не просто соединение разнородных результатов творческой деятельности, а их общая взаимосвязь, где один результат обуславливает другой и подчиняет общему творческому замыслу, формируя таким образом единое творческое образование, приобретающее самостоятельный смысл, который должен приобрести правовое регулирование [1, с. 44].

При этом некоторые исследователи указывают, что организатор является квалифицирующим признаком сложного объекта как такового [2, с. 113].

Поэтому театрально-зрелищное представление отвечает признакам сложного объекта в полном объеме. Во-первых, входящие в состав сложного объекта произведения элементы разнородны: сценарий, драматургическая основа, музыкальное произведение, сценография, хореография, световое и звуковое решения. Во-вторых, эти элементы соединяются в рамках общего художественного замысла. В-третьих, создание такого результата практически невозможно без организатора, который сводит воедино права на входящие элементы и обеспечива-

ет само возникновение представления. Следовательно, утверждение о том, что театрально-зрелищное представление является сложным объектом, не вызывает сомнений, т.к. оно прямо следует из закона, доктрины и сложившейся объективной действительности.

А.Ю. Копылов указывал, что сложные объекты представляют собой не естественно существующие, а специально сконструированные результаты творческой работы, возникающие из объединенных усилий нескольких лиц, действующих в русле общего замысла, заданного организатором. Расширительное толкование ст. 1259 ГК РФ и открытый перечень произведений при установлении их ключевых принципов позволяет определить сложные объекты именно в качестве произведений, поскольку по своему характеру они обладают необходимыми признаками произведения, а ст. 1240 ГК РФ фиксирует лишь исключительные права организатора на созданный сложный объект [3, с. 87].

Ряд исследователей исходят из того, что театрально-зрелищное представление находится на пересечении нескольких правовых конструкций, из-за чего его трудно без оговорок включить в уже сложившиеся категории. Именно этим и объясняется подход, согласно которому за театрально-зрелищным представлением не признается самостоятельное исключительное право как на единый результат. Эту позицию последовательно отстаивает В.О. Калятин; ее также поддерживали Е.С. Гринь и Е.А. Павлова при обсуждении соответствующей проблемы на заседании Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам. Смысл такого взгляда состоит в том, что театрально-зрелищное представление не образует отдельного объекта авторских либо иных интеллектуальных прав.

Следовательно, и исключительное право на него как на самостоятельное целое не возникает. Его предлагают воспринимать как особый способ совместного существования и использования нескольких связанных между собой результатов интеллектуальной деятельности, соединенных в одном художественном единстве. Поэтому в гражданском обороте фактически участвует не единое право на представление в целом, а совокупность прав на те произведения и иные результаты, которые составляют его содержание [4]. В связи с чем М.В. Малькова заключает, что защита интересов организатора театрально-зрелищного представления должна осуществляться через защиту тех прав, которые существуют в отношении отдельных произведений, входящих в состав представления. Иного самостоятельного механизма для охраны его положения применительно ко всему представлению как к единому целому действующая правовая конструкция не предлагает [5, с. 86].

Все же считаем, что театрально-зрелищное представление является произведением. Показателен приведенный Е.М. Тиллинг и Ю.А. Тясто пример постановки спектакля «Евгений Онегин» Римаса Туминаса

(театр им. Е.Б. Вахтангова). Авторы обращают внимание на целый ряд авторских приемов режиссера: одновременное присутствие нескольких рассказчиков, искусственный снег, движущиеся зеркала, подвесные качели, на сцене задействованы два актера для одного персонажа. Подобные решения создают самостоятельную художественную ткань спектакля и меняют восприятие исходного материала. Приведенный пример наглядно показывает, что в театре охраняемым должно быть не абстрактное «чувство», а индивидуально выраженная сценическая форма, в которой творческий замысел получает внешнее воплощение [6].

Не менее важен вопрос об объективной форме. На первый взгляд именно он кажется самым уязвимым местом всего театрально-зрелищного представления, поскольку театр традиционно описывается как искусство момента. Но действующее право связывает объективную форму не только с письменной фиксацией или видеозаписью. Пункт 3 ст. 1259 ГК РФ прямо указывает, что охраняются произведения, выраженные и в устной форме, в том числе в виде публичного исполнения. Следовательно, сценическое воплощение как воспринимаемая извне художественная форма уже само по себе должно считаться формой выражения произведения. Да, спектакль может быть изменчив, а каждое исполнение иметь оттенки, но это не отменяет того, что постановка получает объективное выражение в системе мизансцен, пространственных решений, ритме, пластике, световой партитуре, музыкальной драматургии и общей композиции сценического действия. Также театрально-зрелищным представлениям свойственны узнаваемость и воспроизводимость, что, в свою очередь, можно отнести к характеристике объективной формы.

При этом может возникнуть вопрос о том, любое ли театрально-зрелищное представление должно обладать признаком узнаваемости, поскольку спектакли могут ставиться в мастерских вузов, творческих кружках школ и детских садов и, соответственно, приобретают ли они узнаваемость?

Ответ на него связан с положением театрально-зрелищного представления в системе гражданских отношений и его оборотом. Поскольку одной из основных функций интеллектуальной собственности является введение результата в экономический оборот и извлечение прибыли из его использования, нам видится, что охране подлежат устойчивые и узнаваемые театрально-зрелищные представления, которые показываются на регулярной основе и использование которых создает экономический эффект. В связи с этим стоит отметить мысль Ю.И. Вахитовой, предложившей критерий разграничения театрально-зрелищных представлений, выраженных в форме театральных постановок, и иных зрелищных мероприятий. По ее мнению, если зрелищное действие

носит разовый характер, не может быть воспроизведено в устойчивой постановочной форме и не объединено единым творческим замыслом, оно не приобретает качества театрально-зрелищного представления. В таком случае соответствующее действие остается в пределах исполнения и каждый раз подлежит охране как самостоятельный объект смежных прав. Данный подход основан на отсутствии у подобных зрелищных мероприятий синтеза разнородных результатов интеллектуальной деятельности и единого творческого замысла, благодаря которому представление воспринимается как целостный результат. Поэтому мероприятия, не отвечающие указанным признакам, не могут квалифицироваться как театрально-зрелищные представления, т.к. они воспринимаются зрителем фрагментарно, без связи с общим художественным концептом мероприятия [7, с. 110]. Постановки в театральных мастерских, театральных кружках школ и детских садов по большей части носят разовый характер, поскольку создаются для представления результата работы этих объединений и впоследствии вновь в том же виде не ставятся. Это исключает их узнаваемость ввиду отсутствия регулярности и устойчивой воспроизводимой формы. Постановки, созданные без цели введения в экономический оборот и не предполагающие дальнейшего регулярного использования, не следует оценивать как театрально-зрелищные представления даже при наличии отдельных признаков узнаваемости.

Е.М. Тиллинг и Ю.А. Тясто, развивая эту мысль, указывают еще и на возможные формы дополнительной фиксации режиссерского замысла – письменные указания режиссера-постановщика и видеофиксацию спектакля. Если авторско-правовая охрана аудиовизуального произведения опирается на фиксацию, то театр также способен получить устойчивую форму через режиссерские экспликации, схемы мизансцен, записи репетиций и видеоверсии спектакля. Но даже без этого публичное исполнение входит в число объективных форм выражения произведения. Значит, сценическое представление не может быть отвергнуто только потому, что оно живое и изменяемое.

Отдельного внимания требует вопрос о том, кого можно считать авторами театрально-зрелищного представления. Приписывать соавторство всем участникам постановки было бы неверно, поскольку закон связывает его не с любым участием в сценическом процессе, а только с совместным творческим созданием самого произведения. По этой причине круг соавторов должен определяться конкретно и к нему должны относиться те, кто создал оригинальные элементы специально для конкретного представления и через это участие сделал существенный вклад в его целостный художественный облик. Прежде всего это режиссер-постановщик либо хореограф-постановщик, драматург, написавший драматургическую основу именно для данного представ-

ления, а также композитор, создавший музыку специально для него. Иная ситуация возникает тогда, когда спектакль строится на уже существующих произведениях, например на классической пьесе или ранее написанной музыке. Их авторы, разумеется, сохраняют права на свои произведения, однако это не делает их соавторами самого театрально-зрелищного представления как нового сценического целого.

Ближайшей аналогией здесь выступает аудиовизуальное произведение, сложный по своей структуре результат творческой деятельности, созданный авторами разнородных произведений, обладающий внутренним единством, который закон прямо признает произведением и относит к объектам авторского права. Э.П. Гаврилов отмечал, что авторство в этой сфере кино носит неоднозначный характер. Режиссер-постановщик, сценарист и композитор оригинальной музыки, действительно, формируют художественную основу фильма и вносят в него самостоятельный творческий вклад. Но их положение как авторов объясняется не столько природой самого результата, сколько прямым решением законодателя, т.к. произведения разнородны. Иначе говоря, здесь мы имеем дело с авторством, закрепленным нормативно, что и образует установленную законом триаду авторов аудиовизуально-го произведения [8].

Исключительное право на театрально-зрелищное представление как на сложный объект должно принадлежать организатору его создания согласно ст. 1240 ГК РФ. Организатор, будь то театр, продюсер, антрепренер или иное лицо, обеспечивает объединение прав на входящие результаты и делает возможным легальное использование представления как единого целого. Здесь важно не смешивать авторство и принадлежность исключительного права. Авторами являются те, кто творчески создал произведение. Организатор не обязательно автор, но именно он в силу закона и договоров консолидирует права на сложный объект.

Признание театрально-зрелищного представления произведением особенно удобно в тех случаях, когда оно возникает без организатора, который мог бы приобрести права на входящие в него результаты и выступить единым центром их использования. Само отсутствие такого лица не отменяет того, что в итоге появляется новое произведение, обладающее общим замыслом, внутренним единством и самостоятельной художественной формой. В подобной ситуации обращение к конструкции произведения позволяет избежать правовой неопределенности, поскольку вопрос о принадлежности исключительных прав решается через общие правила об авторстве и соавторстве, если произведение создано совместным творческим трудом нескольких лиц, исключительные права на него сохраняются именно за ними как за соавторами. В результате исключительное право на театрально-зрелищ-

ное представление как на единый результат закрепляется за теми, кто действительно создал его.

Театрально-зрелищное представление, безусловно, относится к числу сложных объектов, однако сводить его правовую природу только к этой категории было бы недостаточно. Сам по себе открытый перечень объектов авторских прав, наличие у такого представления творческого начала и объективной формы, а также его очевидная близость к аудиовизуальному произведению, уже признанному законом в качестве объекта авторского права, позволяют смотреть на него шире. К этому же подводят и выводы исследователей, рассматривающих театрально-зрелищное представление не как простое соединение отдельных исполнений и вспомогательных компонентов, а как цельный художественный результат. Перед нами возникает не механическая совокупность разнородных элементов, а самостоятельное произведение театрального искусства, которому присущи внутреннее единство, общий замысел и выраженная на сцене форма. Поэтому театрально-зрелищное представление есть основания воспринимать не только как сложный объект, но и как произведение, заслуживающее авторско-правовой охраны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вахитова Ю.И. Анализ сложного объекта интеллектуальных прав на примере театрально-зрелищного представления / Ю.И. Вахитова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2015. – №2(28). – С. 41–48.
2. Гаврилов Э.П. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / Э.П. Гаврилов, В.И. Еременко. – Москва: Экзамен, 2009. – 978 с.
3. Копылов А.Ю. Проблемы квалификации сложных объектов интеллектуальных прав / А.Ю. Копылов // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25, №6. – С. 75–90.
4. Протокол №30 Заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 31 августа 2023 г. – Текст: электронный // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – URL: <https://ipcmagazine.path.garant.ru/court/1729558/> (дата обращения: 20.03.2026).
5. Малькова М.В. Театрально-зрелищное представление в системе интеллектуальных прав / М.В. Малькова // Право и управление. XXI век. – 2025. – Т. 21, №3. – С. 76–88.
6. Тиллинг Е.М. Театральный режиссер-постановщик: между авторскими и смежными правами / Е.М. Тиллинг, Ю.А. Тясто // Юрист. – 2022. – №2. – С. 60–71.
7. Вахитова Ю.И. Правовое регулирование театральных постановок: исторические и юридические основания / Ю.И. Вахитова // Российский юридический журнал. – 2019. – №5. – С. 100–110.

8. Гаврилов Э.П. Комментарий к закону об авторском и смежных правах / Э.П. Гаврилов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Экзамен. – 2005. – 384 с.

References

1. Vakhitova Yu.I. Analysis of a Complex Object of Intellectual Property Rights Using the Example of a Theatrical Performance. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskiye nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2015. No. 2(28). P. 41–48 (In Russ.).

2. Gavrilov E.P., Yeremenko V.I. *Kommentariy k chasti chetvertoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii (postateynnyy) = Commentary on Part Four of the Civil Code of the Russian Federation (article-by-article)*. Moscow: Ekzamen Publ., 2009. 846 p. (In Russ.).

3. Kopylov A.Yu. Problems of Qualification of Complex Objects of Intellectual Property Rights. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2021. Vol. 25, No. 6. P. 75–90 (In Russ.).

4. Protokol No. 30 zasedaniya Nauchno-konsul'tativnogo soveta pri Sude po intellektual'nym pravam ot 31 avgusta 2023 g. = Protocol No. 30 of the Meeting of the Scientific Advisory Council at the Intellectual Property Rights Court of August 31, 2023. *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam = Journal of the Intellectual Property Rights Court*. URL: <https://ipcmagazine.path.garant.ru/court/1729558/> (20.03.2026) (In Russ.).

5. Malkova M.V. Theatrical and Spectacular Performance in the System of Intellectual Property Rights. *Pravo i upravleniye. XXI vek = Law and Administration. XXI Century*. 2025. Vol. 21, No. 3. P. 76–88 (In Russ.).

6. Tilling E.M., Tyasto Yu.A. Theater Director: Between Copyright and Related Rights. *Yurist = Jurist*. 2022. No. 2. P. 60–71 (In Russ.).

7. Vakhitova Yu.I. Legal Regulation of Theatrical Productions: Historical and Legal Grounds. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal = Russian Juridical Journal*. 2019. No. 5. P. 100–110 (In Russ.).

8. Gavrilov E.P. *Kommentariy k zakonu ob avtorskom i smezhnykh pravakh = Commentary on the Law on Copyright and Related Rights*. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow. Ekzamen Publ., 2005. 384 p. (In Russ.).

Статья поступила 26.05.2026, принята к публикации 05.06.2026

© Каменнов И.А., 2026

Konurayim, 2026, №2, с. 88-96. ISSN 2307-2741

Copyright, 2026, No. 2, p. 88-96. ISSN 2307-2741

НАУЧНАЯ ШКОЛА

Научная статья

УДК 347.78

Дифференциация правового регулирования как способ преодоления неравенства сторон правоотношений в сфере коммерциализации исключительных прав

Кирилл Олегович Латтеган

Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Москва, Россия

Аспирант

kirill.lattegan@yandex.ru,

<https://orcid.org/0009-0004-9693-1797>

Аннотация. В статье автор рассматривает проблему положения автора как слабой стороны правоотношений в сфере коммерциализации исключительных прав на произведения. Осуществляется поиск механизма преодоления такого неравенства. В ходе исследования проанализированы теоретические положения принципа равенства сторон в гражданских правоотношениях, приведен обзор научной литературы на предмет признания автора слабой сторо-

ной правоотношений. Внимание уделено анализу возможных мер по преодолению неравенства сторон как действующих в законодательстве разных стран, так и предлагаемых на уровне доктрины.

Ключевые слова: автор, слабая сторона, равенство сторон, дифференциация правового регулирования, интеллектуальная собственность, исключительное право, коммерциализация, коммерциализация исключительных прав.

Для цитирования: Латтеган К.О. Дифференциация правового регулирования как способ преодоления неравенства сторон правоотношений в сфере коммерциализации исключительных прав // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2026. – № 2. – С. 88–96.

Original article

Differentiation of legal regulation as a way to overcome the inequality of the parties to legal relations in the field of commercialization of exclusive rights

Kirill O. Lattegan

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

Postgraduate student

kirill.lattegan@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0004-9693-1797>

Abstract. In this paper the author examines the problem of the author's position as a weak side of legal relations in the field of commercialization of exclusive rights to works and searches for a mechanism to overcome such inequality. In the course of the research, the theoretical provisions of the principle of equality of the parties in civil law relations are analyzed, and a review of the scientific literature is provided for the author's recognition of the weak side of legal relations. Particular attention is paid to the analysis of possible measures to overcome the inequality of the parties, both in force in the legislation of different countries and proposed at the level of doctrine.

Key words: author, weak side, equality of the parties, differentiation of legal regulation, intellectual property, exclusive right, commercialization, commercialization of exclusive rights.

For citation: Lattegan K.O. Differentiation of legal regulation as a way to overcome the inequality of the parties to legal relations in the field of commercialization of exclusive rights // Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2026. No. 2. P. 88–96.

В последние годы с ростом количества медиаплощадок и социальных сетей¹ начало усиливаться неравенство между авторами и субъектами рынка², желающими использовать авторский труд и его результаты, т.е. результаты интеллектуальной деятельности. В связи с этим вновь стала актуальной тема преодоления неравенства между участниками правоотношений в сфере коммерциализации авторами исключительных прав на произведения, определения слабой стороны договоров в указанной сфере и положения автора в таких неравных отношениях. В настоящей статье рассматривается проблема положения автора в качестве слабой стороны правоотношений и осуществляется поиск механизма преодоления такого неравенства.

Равенство участников гражданских правоотношений является одним из основных начал российского гражданского законодательства – данный принцип зафиксирован как на уровне Конституции Российской Федерации (ст. 19), так и на уровне Гражданского кодекса Российской Федерации (п. 1 ст. 1; далее – ГК РФ). При этом среди всех принципов, закрепленных в указанной норме ГК РФ, принцип равенства участников гражданских правоотношений указан на первом месте. Следует отметить, что данный принцип подразумевает не фактическое, а юридическое равенство участников правоотношений. Так, Е.А. Вавилин обосновывает это следующим: «Статья 155 ГК РФ исключает возможность одного лица обязывать к чему-либо другое лицо своим односторонним волеизъявлением, если законом или соглашением с этими лицами не установлено иное» [1, с. 259].

В.В. Ершовым отмечается, что «равенство участников гражданских правоотношений исключает возможность установления каких-либо неправовых льгот и привилегий для одной из сторон гражданского оборота» [2, с. 161]. Итак, исходя из данного принципа, субъекты указанных правоотношений равны в приобретении и осуществлении своих прав и обязанностей, а сами правоотношения носят не вертикальный (властный), а горизонтальный характер [3, с. 160].

Одной из функций принципа равенства является функция дифференциации правового регулирования, которая «обусловлена необходи-

¹ Сурова А. Социальные сети в России – полный список популярных площадок со статистикой по аудитории. URL: <https://elama.ru/blog/socialnye-seti-v-rossii/> (дата обращения: 02.05.2026).

² В России на 30% увеличилось число разбирательств по авторским правам. URL: <https://licensingrussia.ru/article/14973-v-rossii-na-30-uvelichilos-chislo-razbiratelstv-po-avtorskim-pravam/> (дата обращения: 02.05.2026).

мостью сгладить реальное фактическое различие... путем поддержания субъектов, нуждающихся в повышенной защите» [4, с. 9], т.к. при юридическом равенстве участники гражданских правоотношений, как правило, не являются фактически равными: стороны зачастую отличаются по объему экономических или организационных возможностей, по обладаемому объему информации в той или иной сфере экономической деятельности и т.д. Такое фактическое (социально-экономическое) неравенство приводит к неравным возможностям влиять на те или иные условия составляемого договора (неравенство переговорных возможностей).

Наглядным примером реализации данной функции является законодательное ограничение принципа свободы договора. Согласно данному принципу, закрепленному в ст. 421 ГК РФ, субъекты гражданских правоотношений свободны в заключении договора, выбора контрагента и вида договора, определении его условий; при этом принуждение к заключению договора не допускается, за исключением установленных законом случаев. Однако указанный принцип не является абсолютным: в российском законодательстве содержится ряд норм, устанавливающих ограничения принципа свободы договора. Например, законодательством не допускается установление договором таких условий, которые приводили бы к нарушению прав потребителей, работников и иных лиц, традиционно признаваемых слабой стороной правоотношений [5, с. 26]. В свою очередь, защиту слабой стороны договора в качестве одной из основных целей ограничения свободы договора выделяет А.А. Крыцула [6, с. 80]. Автор ссылается на исследование Н.И. Клейн, которая отмечает сходство тенденций ограничения указанного принципа в российском законодательстве с тенденциями, свойственными законодательству европейских стран: «Эти тенденции проявляются в ограничении автономии воли, стремлении защитить слабую сторону по отношению к стороне, имеющей экономическое превосходство, обеспечить баланс интересов договаривающихся сторон» [7, с. 28].

Посредством реализации функции дифференциации правового регулирования фактически сложившееся неравенство сторон устраняется настолько, насколько это возможно, при помощи установления соответствующих правовых норм. Это позволяет максимально сблизить сложившиеся правоотношения между субъектами с идеальной моделью регулируемых отношений, которая предполагается ГК РФ [8, с. 56–57].

Защита слабой стороны может быть обеспечена путем дифференциации правового регулирования. Так, С.А. Киракосян в диссертационном исследовании пишет об императиве особого юридического нормирования, цель которого – «устранить экономическое неравенство, обеспечить эффективное осуществление субъектами своих интересов,

не допустить дискриминационных и кабальных условий договора для одного из них» [4, с. 110]. Исследователем справедливо отмечается, что для осуществления этого императива необходимо выявить слабую сторону в правоотношениях и наделить ее дополнительными правовыми возможностями. С.А. Киракосян предлагает осуществлять рассматриваемую дифференциацию при наличии одного из следующих оснований: «отсутствие или наличие профессионализма субъектов в сфере договорных отношений, слабое экономическое положение одного из участников правоотношений, а также массовость заключения однотипных договоров, не учитывающих интересы каждого субъекта в отдельности, осуществление общественно полезной деятельности, представляющей особую ценность для общества и государства» [4, с. 9]. Следует отметить, что подобные критерии не закреплены на нормативном уровне, ввиду чего судам приходится определять слабую сторону в каждом конкретном случае, исходя из своего усмотрения. Целесообразность разработки нормативного подхода к определению слабой стороны справедливо отмечал Т.Т. Алиев [5, с. 28].

Следует также отметить позицию В.В. Витрянского, который говорил, что стороны имущественных правоотношений имеют разный объем ресурсов и влияния на формирование обязательства и его исполнения, что обусловлено их профессиональным статусом, материальным положением или иными обстоятельствами. Как итог, в таких правоотношениях появляется сторона, которая, «располагая всеми реальными возможностями, в состоянии диктовать партнеру по договору свою волю» [9, с. 798].

Другой исследователь, Е.П. Волос, выделяет два подхода к определению слабой стороны в правоотношениях: 1) прямой (определение слабой стороны через «объективные юридически значимые признаки») и 2) косвенный (определение слабой стороны через «характеристики сильного субъекта»).

При *прямом* подходе автор предлагает применять при анализе следующие признаки: «слабая переговорная позиция; неопытность; отсутствие профессионализма в сфере заключения договора; правовая некомпетентность; необразованность; некомпетентность в технических вопросах заключения соглашения; нужда при заключении договора, в том числе тяжелое материальное положение и иные тяжелые жизненные обстоятельства; повышенная заинтересованность во вступлении в гражданское правоотношение» [10, с. 99];

При *косвенном* подходе – «невозможность оказать влияние на процесс составления договора; навязывание условий договора контрагентом; вступление субъекта в правоотношение с лицом, занимающим доминирующее положение на рынке; вступление лица в правоотношение с субъектом естественной монополии» [10, с. 100].

Традиционно слабыми сторонами в правовой науке и практике в соответствии с озвученными признаками признаются потребители³, работники⁴, арендаторы⁵, страхователи⁶, контрагенты банков⁷ и т.д. Автор произведения не является исключением и признается слабой стороной договора в различных правопорядках. Так, Директива (ЕС) 2019/790 гласит, что авторы, как правило, находятся в заведомо невыгодной переговорной позиции при заключении лицензионного договора или передаче своих прав; кроме того, они нередко сталкиваются с отсутствием прозрачности при получении информации о причитающемся им вознаграждении и оценке экономической ценности своих прав⁸. Чтобы сбалансировать положение сторон, указанной Директивой предусматриваются следующие меры поддержки авторов: обеспечение прозрачности информации; механизм корректировки вознаграждения; право на отзыв.

В Законе об авторском праве США также есть норма, которая предоставляет дополнительную защиту авторам как слабой стороне договора. Так, в соответствии со ст. 203 указанного Закона автор вправе расторгнуть договор лицензии в любое время в течение пяти лет, начиная с тридцать пятого года с даты заключения такого договора⁹. В Федеративной Республике Германия (далее – ФРГ) аналогичные меры защиты авторов действуют с 2017 г. В дополнение к перечисленному выше авторы в ФРГ имеют право на представительство через ассоциации и объединения, отзыв при изменении убеждений (например, если произведение больше не отражает убеждения автора), разрешение споров о вознаграждении путем медиации (при этом если для автора данная процедура является добровольной, то контрагент не вправе отказываться от ее проведения)¹⁰.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 03.04.2023 №14-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 статьи 428 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина К.В. Матюшова» // Собрание законодательства РФ. 2023. №15. Ст. 2748.

⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 20.01.2025 №25-КГ24-13-К4. Документ опубликован не был.

⁵ Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 18.01.2016 №08АП-12931/2015 по делу №А46-6695/2015. Документ опубликован не был.

⁶ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22.01.2016 №Ф04-29129/2015 по делу №А45-5348/2015. Документ опубликован не был.

⁷ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.06.2015 по делу №305-ЭС15-2155, А40-15701/14. Документ опубликован не был.

⁸ Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market and amending Directives 96/9/EC and 2001/29/EC. URL: <http://data.europa.eu/eli/dir/2019/790/oj> (дата обращения: 05.04.2026).

⁹ Copyright Law of the United States // U.S. Copyright Office. URL: <https://www.copyright.gov/title17/> (дата обращения: 05.04.2026).

¹⁰ Act on Copyright and Related Rights (Urheberrechtsgesetz – UrhG) // WIPO Lex. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21825> (дата обращения: 05.04.2026).

В Российской Федерации автор рассматривается в качестве слабой стороны на уровне правовой доктрины. Э.П. Гаврилов указывал на то, что «большая защита всегда должна предоставляться автору произведения как более слабой стороне договора» [11, с. 22–24]. В.Н. Белоусов считает, что автор является слабой стороной в рамках договора авторского заказа, «поскольку невозможно с точностью обеспечить соответствие результата творческой деятельности создателя ожиданиям заказчика, даже в случае согласования различных характеристик произведения, т.к. их субъективная оценка может не совпадать» [12, с. 124]. Аналогичной позиции придерживаются О.А. Рузакова [13, с. 217–218] и В.С. Витко [14, с. 29].

Таким образом, автор, будучи слабой стороной правоотношений в сфере коммерциализации исключительных прав на произведения, не может в полной мере реализовать свои интересы в отношениях с крупными площадками и медиахолдингами ввиду социально-экономического неравенства субъектов.

Исправить текущее положение может постепенная реализация функции дифференциации правового регулирования для устранения фактически сложившегося неравенства сторон настолько, насколько это возможно, при помощи установления соответствующих правовых норм. Следует осуществлять рассматриваемую дифференциацию при наличии одного из критериев:

- отсутствие или наличие профессионализма субъектов в сфере договорных отношений;
- экономическое положение одного из участников правоотношений, в том числе нужда при заключении договора;
- объем ресурсов и влияния на формирование обязательства и его исполнения, в том числе возможность оказать влияние на процесс составления договора; навязывание условий договора контрагентом;
- вступление субъекта в правоотношение с лицом, занимающим доминирующее положение на рынке.

Представляется необходимым закрепить такие критерии на нормативном уровне во избежание вариативности и субъективного усмотрения при определении слабой стороны договора, а также предоставить авторам дополнительную защиту и преференции.

Список источников

1. Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав / Е.В. Вавилин; Российская академия наук, Ин-т гос-ва и права / Е.В. Вавилин. – Москва: Волтерс Клувер, 2009. – 338 с.
2. Ершов В.В. Юридическая природа общих и гражданско-правовых принципов: дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Ершов. – Москва, 2009. – 229 с.

3. Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений / В.Ф. Яковлев. – 3-е изд., доп. – Москва: ИЦЧП: Статут, 2022. – 238 с.
4. Киракосян С.А. Принцип равенства в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук / С.А. Киракосян. – Москва, 2009. – 217 с.
5. Алиев Т.Т. Ограничения свободы договора во взаимосвязи с наличием «слабой» стороны в правоотношениях / Т.Т. Алиев // Московский юридический журнал. – 2020. – №4. – С. 23–29.
6. Крыцула А.А. Принцип свободы договора и его пределы / А.А. Крыцула // Власть закона. – 2012. – №2(10). – С. 76–89.
7. Клейн Н.И. Принцип свободы договора и основания его ограничения в предпринимательской деятельности / Н.И. Клейн // Журнал российского права. – 2008. – №1. – С. 27–33.
8. Помазанова А.С. Гражданско-правовой принцип равенства субъектов / А.С. Помазанова // Наука и инновации в XXI веке: актуальные вопросы, открытия и достижения: сб. ст. VII Межд. науч.-практич. конф.: в 3 ч. Ч. 3. – Пенза, 2017. – С. 55–58.
9. Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – 4-е изд. – Москва: Статут, 2020. – 847 с.
10. Волос Е.П. Признаки слабой стороны в гражданском правоотношении в современных экономико-правовых условиях / Е.П. Волос // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – №9(142). – С. 94–101.
11. Гаврилов Э.П. Императивные и диспозитивные нормы законодательства об интеллектуальных правах / Э.П. Гаврилов // Патенты и лицензии. 2022. – №4. – С. 22–24.
12. Белоусов Н.В. Договор авторского заказа в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук / Н.В. Белоусов. – Москва, 2024. – 156 с.
13. Рузакова О.А. Право интеллектуальной собственности. Т. 2: Авторское право: учебник / Е.С. Гринь, В.О. Калятин, С.В. Михайлов и др.; под общ. ред. Л.А. Новоселовой. – Москва: Статут, 2017. – 233 с.
14. Витко В.С. Договоры заказа на создание произведений / В.С. Витко. – Москва: Статут, 2016. – 157 с.

References

1. Vavilin E.V. *Osushchestvenie i zashchita grazhdanskih prav = Exercise and protection of civil rights* / Russian Academy of Sciences, Institute of State and Law. – Moscow: Volters Kluver Publ., 2009. 338 p.
2. Ershov V.V. *Yuridicheskaya priroda obshchih i grazhdansko-pravovykh principov: dis. ... kand. yurid. nauk = The legal nature of general and civil law principles: dissertation of PhD*. Moscow, 2009. 229 p.
3. Yakovlev V.F. *Grazhdansko-pravovoj metod regulirovaniya obshchestvennykh otnoshenij = The civil law method of regulating public relations*. 3rd ed., supplement. Moscow: ICCHP; Statut Publ., 2022. 238 p.

4. Kirakosyan S.A. *Princip ravenstva v rossijskom grazhdanskom prave*: dis. ... kand. jurid. nauk = *The principle of equality in Russian civil law*: dissertation of the Candidate of Law. Moscow, 2009. 217 p.

5. Aliev T.T. Restrictions on freedom of contract in relation to the presence of a «weak» party in legal relations. *Moskovskij juridicheskij zhurnal* = *Moscow Law Journal*. 2020. №4. P. 23–29.

6. Krycula A.A. The principle of freedom of contract and its limits. *Vlast' zakona* = *The rule of law*. 2012. №2(10). P. 76–89.

7. Klejn N.I. The principle of freedom of contract and the grounds for its restriction in business activities. *Zhurnal rossijskogo prava* = *Journal of Russian Law*. 2008. №1. P. 27–33.

8. Pomazanova A.S. The civil law principle of equality of subjects. *Nauka i innovacii v XXI veke: aktual'nye voprosy, otkrytiya i dostizheniya* = *Science and innovation in the 21st century: current issues, discoveries and achievements: collection of Articles VII of the International Scientific and Practical Conference*: in 3 parts. Vol. 3. Penza, 2017. P. 55–58.

9. Vitryanskij V.V. *Dogovornoe pravo. Obshchie polozheniya* = *Contract law. General provisions* / M.I. Braginskij, V.V. Vitryanskij. 4th ed. Moscow: Statut, 2020. 847 p.

10. Volos E.P. Signs of a weak side in a civil law relationship in modern economic and legal conditions. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* = *Actual problems of Russian law*. 2022. №9(142). P. 94–101.

11. Gavrilov E.P. Mandatory and dispositive norms of intellectual property law. *Patenty i licenzii* = *Patents and licenses*. 2022. №4. P. 22–24.

12. Belousov N.V. *Dogovor avtorskogo zakaza v grazhdanskom prave Rossii*: dis. ... kand. jurid. nauk = *Copyright Contract in Russian Civil Law*: dissertation of PhD. Moscow, 2024. 156 p.

13. Ruzakova O.A. *Pravo intellektual'noj sobstvennosti* = *Intellectual Property Law*: Vol. 2: *Copyright*: textbook / E.S. Grin', V.O. Kalyatin, S.V. Mihajlov and other.; under the general editorship L.A. Novoselova. Moscow: Statut Publ., 2017. 233 p.

14. Vitko V.S. *Dogovory zakaza na sozдание proizvedenij* = *Contracts for the creation of works*. Moscow: Statut Publ., 2016. 157 p.

НАУЧНАЯ ШКОЛА

Научная статья

УДК 347.7

Сущность архитектуры как элемента программы для ЭВМ

Владислав Сергеевич Штукарев

Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Москва, Россия

Аспирант

pixel.develop@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0006-3455-3457>

Аннотация. Программа для ЭВМ с точки зрения регулирования является одним из самых противоречивых объектов, на который распространяются интеллектуальные права авторов. Только рассмотрение такого интеллектуального продукта в качестве много-элементного объекта позволит добиться его надлежащей охраны. Это обуславливает выделение среди прочих новых элементов, которым уже сегодня необходима правовая охрана: ее получение позволит авторам более эффективно защищать свои права на рынке.

Одной из таких составляющих программы для ЭВМ является *архитектура*, которая на данный момент, находясь в синтезе с подготовительными материалами, охраняется нормами авторского

права. Именно установлению сущности архитектуры программы для ЭВМ и посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: результаты интеллектуальной деятельности, программа для ЭВМ, архитектура, программное обеспечение, элемент программы для ЭВМ.

Для цитирования: Штукарев В.С. Сущность архитектуры как элемента программы для ЭВМ // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2026. – № 2. – С. 97–105.

Original article

The essence of architecture as an element of a computer program

Vladislav S. Shtukarev

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

Postgraduate student

pixel.develop@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0006-3455-3457>

Abstract. Computer programs are one of the most controversial objects covered by intellectual property rights. Only by considering such an intellectual product as a multi-element object will it be possible to achieve its proper protection. This necessitates identifying new elements that may already require legal protection today, which will enable authors to establish their rights in the market more effectively.

One such component of computer programs is *architecture*, which at present, being in synthesis with preparatory materials, is protected by copyright laws. This article is devoted to establishing the essence of the architecture of computer programs.

Key words: results of intellectual activity, computer program, architecture, software, computer program element.

For citation: Shtukarev V.S. The essence of architecture as an element of a computer program // Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2026. No. 2. P. 97–105.

В публикации [1] автором была обоснована позиция, связанная с тем, что на рынке существует необходимость в выделении такого но-

вого элемента программы для ЭВМ, как *архитектура*, который будет оформляться в рамках *архитектурного проекта*. Именно на эти проекты, содержащие *архитектурные решения*, будут распространяться интеллектуальные права авторов, что позволит существенно стимулировать развитие отрасли в целом, а творцам получать оплату за свои результаты интеллектуальной деятельности (далее – РИД). Правовая охрана, в случае ее предоставления рассматриваемому элементу, начнет работать должным образом, только если будет конкретно определена его сущность.

В большинстве своем архитектура разрабатывается программистами на этапе проектирования программы для ЭВМ, который представляет собой подготовительный этап перед ее непосредственным написанием. В то же время очень важно понимать, что в данной архитектуре уже могут раскрываться целые модули, причем делается это преимущественно на языке программирования, используемом в дальнейшем при написании программы для ЭВМ. Таким образом, можно справедливо заметить, что частично разработка начинается уже в момент создания архитектуры, но с таким подходом согласны не все. Так, А.А. Алексейчук считает, что к подготовительным материалам и, как следствие, к программе для ЭВМ не могут относиться, например, «техническое задание (поскольку оно создается до разработки программы для ЭВМ) или документация для конечного пользователя (поскольку она создается после создания программы для ЭВМ)» [2, с. 351]. Получается, что и архитектурный проект в этом случае не будет относиться к программе для ЭВМ. На наш взгляд, это неправильно, т.к. в ст. 1261 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) сказано: «Включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ». Закон не говорит: «В ходе непосредственной разработки самой программы для ЭВМ, написания кода». Поэтому справедливо считать, что любые подготовительные материалы, относящиеся к программе для ЭВМ, будут охватываться этим понятием, т.к. программа создана на базе предшествующих ей материалов, а материалы, выпущенные после ее разработки, направлены на ее модернизацию. Важно заметить, что процесс разработки – это преимущественно всегда длящийся процесс, т.к. программа для ЭВМ постоянно совершенствуется, дополняется, нередко, вместе с ее развитием, расширяется и база связанных с ней документов.

Косвенно архитектуру выделяет А.И. Савельев, который относит к подготовительным материалам программы для ЭВМ, «системную документацию, описывающую архитектуру и дизайн программы, ее составные элементы и взаимосвязи между ними, функциональные и нефункциональные требования; документацию, полученную в ходе тестирования; псевдокод; промежуточные версии» [3]. Анализ его точ-

ки зрения позволяет прийти к выводу, что: во-первых, архитектурный элемент слабо исследован, за исключением подготовительных материалов, целью автора является добавление этих материалов в качестве элемента программы для ЭВМ в ст. 1261 ГК РФ; во-вторых, архитектура все же остается в жестких границах подготовительных материалов, являющихся ее обобщающим элементом; в-третьих, из-за того, что она входит в состав более общей группы, указанной в предыдущем пункте, ей вместе с подготовительными материалами, по мнению А.И. Савельева, отведена роль самостоятельной охраноспособной формы существования программы для ЭВМ, которая преимущественно должна использоваться для разрешения возникающих споров, связанных с нарушением исключительного права, где фигурируют конкурирующие программы для ЭВМ. Автором вполне обоснованно раскрывается пример из судебной практики США, где было установлено нарушение авторских прав лица. Ответчик, создавший программу для ЭВМ по чужим материалам, был признан виновным. Доводы А.И. Савельева имеют основание, т.к. программы для ЭВМ приравнены к литературным произведениям. Отсюда можно сделать еще один вывод, что А.И. Савельев согласен с предоставлением правовой охраны нормами авторского права всем подготовительным материалам. Он больше раскрывает функциональную сущность общего элемента, подготовительных материалов, что не решает, в частности, проблему с должной охраной архитектуры. А.И. Савельев не поднимает вопрос о том, что авторы архитектурного проекта не могут получить выгоду от создания такого РИД, потому что рассматривает архитектуру лишь как часть общей функциональной формы программы для ЭВМ, служащей механизмом к разрешению возникающих споров.

Выделяют архитектуру из подготовительных материалов и И.В. Шевелев, Т.С. Никифорова, которые говорят о том, что подготовительные материалы могут быть «в виде описанного бизнес-процесса, модели данных, архитектурной модели, дизайна интерфейсов» [4]. Также они справедливо вводят в круг авторов программы для ЭВМ и *архитектора*, который «формирует программную архитектуру решения, определяет технический стек» [4]. Анализ данной публикации говорит о том, что сущность архитектуры должным образом не раскрывается авторами, а ввод архитектора программы для ЭВМ в круг авторов в очередной раз позволяет судить о том, что ученые не берут под сомнение эффективность охраны архитектуры нормами авторского права, т.к. они не отделяют этот элемент от подготовительных материалов.

В.С. Витко в попытках объяснить, чем являются подготовительные материалы, выступают ли они частью программы для ЭВМ или ее отдельной версией, а значит, программой для ЭВМ, приходит к выводу о том, что эти материалы ничем таким не являются [5]. Помимо того,

что его точка зрения противоречит нормам ст. 1261 ГК РФ, очевидно, что автор не устанавливает большую часть объектов, входящих в группу подготовительных материалов, и их сущность, а это не может свидетельствовать, на наш взгляд, о правильном подходе к установлению природы общего объекта.

Ранее автором настоящей статьи была введена дефиниция архитектуры с учетом составляющих ее элементов: «Комплекс конкретных логических решений, позволяющий получить логическое преимущество в случае написания в соответствии с ним программы для ЭВМ, который включает в себя различные структурные элементы, имеющие свои собственные свойства: интерфейс, тип связи, соединение с другими структурными элементами, область ответственности, определяющую поведение, – все эти свойства каждого структурного элемента подчиняются совокупности концепций и принципов, представляющей собой архитектурный стиль, который направляет всю организацию системы структурных элементов как внутри себя, так и в рамках взаимодействия с другими системами» [1, с. 31].

Анализ показывает, что сам элемент «архитектура» тоже состоит из совокупности составляющих его частей: модулей (структурных элементов); интерфейсов; типов связей; областей ответственности, определяющих поведение; отношений между модулями (соединений). Так, архитектура выступает сложной структурой образов, объединенной в систему и несущей в себе идею построения будущей программы для ЭВМ и достижения ею логического преимущества. Стоит оговориться, что процесс развития человеческого мышления и сущности идеи подробно изложен О.В. Ревинским в книге «Право на идею?» [6, с. 6–45].

Вернемся к элементам архитектуры и обратим внимание на то, что по отдельности эти части не представляют большого интереса для правовой охраны. Исключительно их совокупность, складывающаяся в архитектуру, позволяет говорить о них как о цельном объекте, интересном в правовом плане для авторов такого результата интеллектуальной деятельности. Для установления сущности архитектуры рассмотрим каждую ее часть.

Созданию архитектурного проекта предшествует получение командой разработчиков технического задания, которое тоже справедливо относится к подготовительным материалам. В таком документе содержится требование о создании некоторой функциональности, которую ждут от реализованного продукта. Сначала архитектор программного обеспечения знакомится с требованием заказчика или работодателя, например, «реализовать экспорт звуковых файлов программы FL STUDIO в самых популярных аудиоформатах: MP3, AAC, FLAC, WAV, OGG Vorbis». Затем программист декомпозирует задачу на отдельные составляющие (модули или структурные элементы), что делается

посредством разбивки итоговой цели на зоны ответственности. Таким образом, любая программа для ЭВМ представляет собой набор модулей, каждый из них делает свою работу и передает результат дальше. После достижения итогового состояния данных, когда все преобразования выполнены, происходит передача всех материалов, например, упакованных в архив, пользователю на компьютер.

Конкретные действия модуля – принимает ли он запрос от пользователя из графического интерфейса редактора программы, собирает все звуковые файлы и передает их дальше, восстанавливает потерянное качество, устраняет потенциальные звуковые шумы, маскирует низкое звуковое качество материала, сжимает файлы до приемлемого размера, объединяет, кодирует, пакует в один файл, архивирует и т.д. – являются областью его ответственности и определяют позицию среди других модулей. Определение круга таких областей ответственности и обуславливает итоговое количество модулей программы для ЭВМ, которые архитектору программного обеспечения надо описать, а программисту в дальнейшем реализовать с использованием языка программирования.

Важно отметить, что архитектура с точки зрения решения конечной задачи менее конкретизирована, чем алгоритм, являющийся уже точным решением. Но даже при такой абстракции архитектура несет в себе очень важное свойство логического преимущества, позволяющее выгодно выделяться конечному интеллектуальному продукту (программе для ЭВМ), если он будет реализован в соответствии с ней.

Теперь обратимся к интерфейсу модуля. Оговоримся, что интерфейс модуля – это вовсе не то, что наблюдает пользователь на экране монитора, когда находится на веб-сайте, а набор методов, работ, которые может реализовывать модуль и которые можно у него «вызвать», чтобы он их выполнил и вернул результат. Например, чтобы человек осуществил определенную работу, его можно об этом попросить. Программный модуль попросить таким образом нельзя, но у него есть список работ, который он способен выполнять. Чаще всего такие работы именуются «методами» и записываются латинскими буквами так, как они именовались бы при уже написанной программе для ЭВМ. Список методов, записанный латинскими буквами, например, `prepareEncoding(projectData, settings)`, с подробным описанием их работы, является интерфейсом этого самого модуля. Структурная единица «А» сама не может подготовить «движок кодирования» к работе, т.к. имеет другую зону ответственности в программе для ЭВМ, но она может «попросить» выполнить эту работу у модуля «Б», для которого такая задача является выполнимой. Остается только «вызвать» работу метода `prepareEncoding(projectData, settings)`, передав ему два параметра: `projectData` и `settings`.

С интерфейсом модуля тесно связан другой элемент архитектуры, который называется «тип связи». Тип связи дает понять, какие именно данные должны быть переданы в метод `prepareEncoding`, передается гетерогенная пара данных. Это значит, что если не будет передано ничего или только один параметр данных, то метод `prepareEncoding` не сможет выполнить свою работу, т.к. для преобразования в определенный формат звуковых данных ему требуется гетерогенная пара. Например, если структурный элемент ожидает, что в его метод будет передано какое-либо число, а программа работает неправильно и другой модуль передает строку, то может возникнуть ошибка или непредсказуемое, нестандартное поведение программы. Например, в 1996 г. произошла авария ракеты-носителя «Ариан-5» по причине неправильной работы программного модуля, который был перенесен без изменения от «Ариан-4»: после старта ошибочный программный модуль попытался просчитать значение исходя из горизонтальной скорости ракеты, а из-за того, что «Ариан-4» отличалась от «Ариан-5», значение получилось значительно больше, чем то, которое ожидалось. Ракета приняла высокую аэродинамическую нагрузку и начала разрушаться [7].

Таким образом, тип связи определяет, какие именно данные должны быть переданы, которые и распишет автор архитектурного проекта и которые нужны для решения задачи.

Еще одним элементом архитектуры выступают отношения между модулями: что именно модуль «А» должен вызвать работу у структурного элемента «Б», а не наоборот. Например, если программист допустит ошибку и выстроит программу так, что модуль, занимающийся архивацией, начнет вызывать работу у структурного элемента, отвечающего за кодирование, то очевидно, что программа не будет правильно работать. Тут очень важно отметить, что архитекторы программного обеспечения высокого уровня способны создать такой архитектурный проект, в котором все отношения между модулями будут выстроены особым образом, действующим наиболее удачные в решении конкретной задачи концепции и принципы, которые направят всю организацию системы структурных элементов эффективным образом и позволят добиться еще большего логического преимущества, усиливающего будущую программу для ЭВМ, написанную в соответствии с этим архитектурным решением.

Е.А. Свиридова приходит к выводу: «В отношении программного обеспечения оригинальность проявляется в структуре программ и, в частности, в исходном тексте» [8, с. 108]. С этим сложно поспорить, но все же не стоит уделять большое значение исходному тексту, потому что если архитектура подчинена не только формальной логике, автоматической и преимущественно идущей параллельно алгоритму решения задачи, то в ней неизбежно будет содержаться проявление

умственных усилий автора, которое материализуется в нестандартном творческом проектировании модулей, позволяющем наделять программу для ЭВМ новыми логическими преимуществами, которых нет у другой программы, решающей ту же задачу, но с использованием иной архитектуры. У хорошо написанных программ для ЭВМ архитектура определяет и направляет будущий алгоритм, а не наоборот.

Таким образом, анализ элементов архитектуры программы для ЭВМ позволяет прийти к выводу, что только их совокупность, синтез, дают возможность говорить о них как о самостоятельном объекте, которому необходима должная правовая охрана. Авторы способны придать программе для ЭВМ такие логические преимущества, которые будут присуще ей долгие годы: гибкость и простота расширения, минимальная возможность получения ошибок, удобство в изучении программы другими программистами, высокая отказоустойчивость, эффективность и быстрота работы, обоснованность, логичность связей между структурными элементами.

Все это говорит о том, что грубое отнесение такого элемента программы для ЭВМ, как архитектура, к подготовительным материалам с предоставлением ей охраны нормами авторского права, является ошибочным, поскольку не отвечает содержательной части архитектуры, несущей в себе логическое преимущество. Очевидно, что уже давно назрела необходимость в выделении этого элемента и предоставлении ему самостоятельной должной правовой охраны.

Список источников

1. Штукарев В.С. Архитектура как один из ключевых элементов программы для ЭВМ / В.С. Штукарев // Современный юрист. – 2025. – №4(53). – С. 23–34.
2. Алексейчук А.А. Подходы к квалификации сложного программного обеспечения / А.А. Алексейчук // Ежегодник-антология. Право цифровой экономики. – 2020. – №16. – С. 346–368.
3. Савельев А.И. Правовой режим подготовительных материалов, полученных в ходе разработки программы для ЭВМ / А.И. Савельев // Закон. – 2023. – №9. – С. 47–57.
4. Шевелев И.В. Кому принадлежат права на программу ЭВМ / И.В. Шевелев, Т.С. Никифорова // Закон. – 2023. – №5. – С. 64–73.
5. Витко В.С. Попытка толкования вопросов, возникающих при применении п. 7 ст. 1259 ГК РФ / В.С. Витко // Хозяйство и право. – 2022. – №9. – С. 74–105.
6. Ревинский О.В. Право на идею? / О.В. Ревинский. – Москва: Юрсервитум, 2022. – 204 с.
7. Ariane 501 – Presentation of Inquiry Board report. URL: https://www.esa.int/Newsroom/Press_Releases/Ariane_501_-_Presentation_of_Inquiry_Board_report (дата обращения: 01.03.2026).

8. Свиридова Е.А. Особенности охраны программы для ЭВМ по законодательству Европейского союза / Е.А. Свиридова // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16, №6. – С. 106 – 112.

References

1. Shtukarev V.S. Architecture as one of the key elements of a computer program. *Sovremennyj Jurist = Modern Lawyer*. 2025. No. 4(53). P. 23–34 (In Russ.).
2. Aleksejchuk A.A. Approaches to the qualification of complex software. *Ezhegodnik-antologija. Pravo cifrovoj jekonomiki = Yearbook-anthology. Digital Economy Law*. 2020. No. 16. P. 346–368 (In Russ.).
3. Savelev A.I. The legal regime of preparatory materials obtained during the development of a computer program. *Zakon = Statute*. 2023. No. 9. P. 47–57 (In Russ.).
4. Shevelev I.V., Nikiforova T.S. Who owns the rights to a computer program. *Zakon = Statute*. 2023. No. 5. P. 64 – 73 (In Russ.).
5. Vitko V.S. An attempt to interpret the issues arising from the application of paragraph 7 of Article 1259 of the Civil Code of the Russian Federation. *Hozjajstvo i pravo = Business and Law*. 2022. No. 9. P. 74–105 (In Russ.).
6. Revinskij O.V. *Pravo na ideju? = The right to an idea?* Moscow: Yurservitum Publ., 2022. P. 204 (In Russ.).
7. Ariane 501 – Presentation of Inquiry Board report. URL: https://www.esa.int/Newsroom/Press_Releases/Ariane_501_-_Presentation_of_Inquiry_Board_report (date of access: 01.03.2026).
8. Sviridova E.A. Features of the legal protection of computer programs under the legislation of the European Union. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*. 2023. Vol. 16, No. 6. P. 106–112 (In Russ.).

Статья поступила 15.05.2026, принята к публикации 22.06.2026

© Штукарев В.С., 2026

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на учебник «Международное право» (авторы: В.М. Шумилов, С.В. Никифоров)¹

Алексей Павлович Альбов,

Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Москва, Россия

Доктор юридических наук, профессор,

профессор кафедры гражданского и предпринимательского права

aap62@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1716-0177>

Review of the textbook «International Law» (authors: V.M. Shumilov, S.V. Nikiforov)

Alexey P. Albov,

Russian State Academy Intellectual Property, Moscow, Russia

Doctor of Law, Professor,

Professor of the Department of Civil and Business Law

aap62@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1716-0177>

В учебнике В.М. Шумилова и С.В. Никифорова представлен современный взгляд на международное право, международный правопорядок и глобальную нормативную систему в контексте перехода к много-

полярному мироустройству.

Учебник представляет первую комплексную концепцию международного права в условиях многополярности. Авторская теория глобальной правовой системы выходит за рамки классических доктринальных схем. Цивилизационный подход обеспечивает принципиально новое понимание современного международно-правового порядка.

Актуальность работы определяется современными трансформационными процессами в международных отношениях, включая формирование многополярного миропорядка, становление новых механизмов глобального управления и эволюцию нормативных регуляторов международного взаимодействия, которые требуют серьезного переосмысления существующих в науке подходов к международному праву и выработки адекватного теоретико-методологического инструментария.

Методологическую основу учебника составляет концепция рассмотрения современного международного права как права эпохи горизонтальной глобализации и системной трансформации мироустройства. Авторами применяется комплексный подход, основанный на синтезе цивилизационной методологии и системного анализа. Материал учебника структурирован с учетом взаимодействия международной системы и ее подсистем: глобальной нормативной системы, международно-правовой системы, региональных и функциональных подсистем регулирования. Такой методологический каркас позволяет раскрыть многоуровневую архитектуру современного международного права в его динамике и функциональных взаимосвязях.

С одной стороны, авторы опирались на российскую школу международного права (труды Г.М. Вельяминова, Ю.М. Колосова, В.И. Кузнецова, И.И. Лукашука, Г.И. Тункина, С.В. Черниченко), с другой стороны, содержание учебника раскрывается в контексте трансформации однополярного мироустройства в многополярное. В курсе использованы некоторые новые понятия и доктринальные взгляды, изменены акценты в отдельных темах или ракурсы их рассмотрения.

Значимым теоретическим вкладом является авторская концепция глобальной правовой системы и глобального права, предлагающая новую методологическую оптику для осмысления современных процессов международно-правового регулирования.

Несомненным достоинством учебника является оригинальная новая структура подачи материала, представляющая собой трехчастную композицию (общая часть, особенная часть и раздел о международном процессуальном праве), которая позволяет системно и целостно представить российскую доктрину международного права². Материал учеб-

² См. подробнее: Международное право: учебник / В.М. Шумилов, С.В. Никифоров; под ред. С.В. Никифорова. 4-е изд., испр. Москва: Юстиция, 2026. С. 2, 9.

ника распределен на 30 тем (уроков); каждая тема представляет собой единый смысловой блок, раскрывающий сопредельные вопросы.

Темы в учебнике последовательно вводят в общую и особенную части курса, при этом раскрывается состояние различных отраслей международного права. При необходимости добавлены исторические и теоретические детали.

Авторы учебника обращают внимание на «обязательность освоения дисциплины с параллельным изучением нормативных актов, рекомендуют проведение семинарских занятий по возможности в компьютерных классах; что позволит проработать ту или иную тему с немедленной иллюстрацией ее практической проблемы, выработать необходимые навыки анализа и применения норм международных договоров. В конце каждой темы даются вопросы для самопроверки; их можно использовать также для проведения семинаров, формулирования тем курсовых и выпускных квалификационных работ»³. Приводятся полезные библиографические источники. В конце учебника приложена содержательная часть рабочей программы дисциплины «Международное право».

Учебник полностью соответствует требованиям Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования (ФГОС ВО) последнего поколения и рассчитан на широкую академическую и профессиональную аудиторию.

В первую очередь издание предназначено для студентов бакалавриата, обучающихся по направлениям «Юриспруденция» и «Международные отношения», а также для магистрантов и специалистов, углубленно изучающих вопросы международного права, международной безопасности и глобального управления. Учебник может служить базовым пособием при освоении дисциплин «Международное публичное право», «Международное частное право», «Право международных организаций», «Международная безопасность» и смежных курсов.

Материалы учебника могут быть использованы при подготовке диссертационных исследований по специальностям 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки» и 5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки».

Преподавателям юридических и исторических факультетов учебник предоставляет актуализированный методологический и дидактический материал для построения современных учебных курсов с учетом новейших тенденций в развитии международного права и международных отношений.

Кроме того, учебник представляет интерес для широкого круга читателей, стремящихся к углубленному пониманию закономерностей функционирования современной системы международных отноше-

³ См. подробнее: Там же. С. 10.

ний, механизмов международно-правового регулирования и роли права в формирующемся многополярном мироустройстве.

Список источников

Международное право: учебник / В.М. Шумилов, С.В. Никифоров; под ред. С.В. Никифорова. – 4-е изд., испр. – Москва: Юстиция, 2026.

References

Shumilov V.M., Nikiforov S.V. *Mezhdunarodnoe pravo = International Law: textbook* / ed. by S.V. Nikiforov. 4th ed., revised. Moscow: *Justice Publ.*, 2026 (In Russ.).

Материал поступил 22.04.2026, принят к публикации 05.05.2026

© Альбов А.П., 2026

Научное издание

Копирайт

**(Вестник
Академии интеллектуальной собственности)**

Выпускающий редактор *О.А. Симонова*

Верстка *А.В. Медведевой*

Подписано в печать 22.06.2026. Формат 70×100/16

Печать офсетная. Объем 8,87 усл. п.л. Тираж 30 экз.

Заказ №11.

ФГБОУ ВО РГАИС 117279, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 55а